

*Светлой памяти
Михаила Николаевича Задорнова
посвящается*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Роман «Игорь. Корень Рода» является третьим в цепочке повествования о первых новгородско-киевских князьях периода становления и развития Русского княжества в IX-X веках. Читатель уже знаком с романами «Рюрик. Полёт Сокола» и «Руны Вещего Олега», написанными нами в соавторстве с Михаилом Николаевичем Задорновым. К великому сожалению, тяжёлая болезнь и преждевременный уход из жизни не позволили Михаилу Николаевичу принять участие в написании книги о князе Игоре. Поэтому данный роман мы посвящаем светлой памяти талантливейшего человека и нашего литературного друга.

Князь Игорь — первый древнерусский князь, чьё имя известно как византийским, так и западным источникам.

В летописях он предстаёт, как князь-неудачник, которого греки сожгли лодейным огнём, а потом, одержимого ненасытностью, убили древляне.

Однако ряд фактов позволяет нам оценить описываемые события под несколько иным углом зрения.

Никто из историков не уделил внимания тому очевидно-му факту, что после «поражения» греческим огнём, дружина Игоря не обратилась в позорное бегство, как это описывают греческие хроники, а принялась крушить побережья Стенона (так византийцы называли Босфор), предавать огню и разграблению азиатские византийские фемы — *«и почаша воевати Вифиньския страны, и пленоваху по Понту до Ираклия и до Фофлагоньскы земля, и всю страну Никомидийскую попо-*



лониша, и Судъ весь пожьгоша» (ПВЛ*). И длилось это три месяца — с июня по сентябрь. Так, из переписки двух митрополитов, Александра Никейского и Игнатия Никомидийского, мы узнаем, что россы хозяйничали во всей «Никомидийской стратигиде» (феме Оптиматов), доходя до ее столицы — Никомидии, находящейся на побережье залива Мраморного моря примерно в 100 км к юго-востоку от устья Босфора. Кроме того, письмо Константина VII Багрянородного, обладавшего в то время титулом императора-соправителя, к его другу и наставнику Феодору, митрополиту Кизика, свидетельствует, что нашествие россов парализовало морское сообщение между европейскими и азиатскими провинциями Империи.

Урон, нанесённый князем Игорем Византийской империи, был сопоставим разве что с уроном после голода и крестьянских восстаний 928-932 годов под руководством Василия Меднорукого. Роман Лакапин велел казнить Василия и в 932 году его сожгли на площади Амастриан, тем самым положив конец мятежу.

В 941 году пришедший за данью флот Игоря был частично сожжён греческим огнём, а пленные русы казнены на форуме Быка. Однако это не стало устрашением, а послужило причиной яростной мести со стороны русов, разорением азиатских фем и последующей экономической блокадой Константинополя. Только собранные со всех концов Империи войска и вернувшийся из Средиземноморья флот смогли одолеть русов и вынудить их уйти.

Именно по этой причине, когда Игорь через два года собрал большое войско вместе с союзниками-печенегам, Империю охватил ужас от недавних воспоминаний «кровавого пиршества россов». И поэтому «лучшие люди» Романа Лакапина поспешили навстречу в Болгарию, где у Дуная император предложил Игорю через своих посланников «дань, юже ималъ Олегъ, и придамъ еще къ той дани» (ПВЛ). Всем известно, какую великую дань взял у греков Олег Вещий в 907 году. И добровольно предлагать «ещё большую» можно было

* Повесть временных лет.



только при особых обстоятельствах. Такими обстоятельствами и был поход Игоря в 941 году, повторения которого Византия никак не могла допустить.

Вскоре после выплаты дани император Роман Лакапин *«присла...послы къ Игореви построить мира перваго; Игорь же глаголавъ съ ним о мире. Посла Игорь мужи свои къ Роману»* (ПВЛ). То есть, важнейшим направлением византийской дипломатии этого периода было заключение мира с русами, к которым император по собственной инициативе отправил своих послов. Этот договор между «русами и христианами» *«на вся лета, дондеже солнце сияеть и весь миръ стоитъ»* и был заключён в 944 году после обмена посольствами и взаимных клятв пред ликами своих богов.

В 1950 году в Придунавье румынские учёные обнаружили камень с так называемой Добруджанской надписью. Речь идёт о каком-то важном событии 6451 года (943 г.), связанном с Византией (начало не сохранилось). М.Н. Тихомиров* предположил, что в надписи говорится о походе Игоря на Византию (поход действительно состоялся в 943 году, а не в 944, как о том говорит ПВЛ, и договор Игоря с греками датируется, соответственно, 944 годом). Академик Б.А. Рыбаков предложил вариант реконструкции надписи: **«Дань взял князь Игорь на грецах в лето 6451 при Димитрии жупане»**. Добруджа называлась ещё Русским островом, так как была населена в основном выходцами из славянских народов. И не случайно сын Игоря Святослав Хоробрый пришёл в эти места и легко занял «80 городов по Дунаю», основав новую столицу Переяславец.

В ту же осень (по летоисчислению ПВЛ это был уже 945 год, поскольку начало года наступало 1 сентября), Игорь идёт за данью к древлянам, «замыслив» увеличить её, чтобы одеть свою «нагую» дружину. Вы представляете себе, читатель, размер богатства, только что взятого у греков? «Нагой»

* Михайл Никола́евич Тихоми́ров — советский историк-славист, источниковед, специалист в области истории культуры России X—XIX веков. Академик АН СССР (23.10.1953, член-корреспондент с 04.12.1946).



дружина Игоря быть никак не могла. Иное дело — порядок, по которому князь должен идти в полюдье. Из источников известно, что Игорь предоставил право своему воеводе Свенельду собирать дань с уличей и тиверцев, которых он покорил. Теперь же он поручил воеводе собрать дань также и с древлян, что вызвало недовольство со стороны дружинников. Далее разворачивается детективная история «жадности и наказания», описанная автором ПВЛ. Однако опять же факты — вещь упрямая. По византийским источникам (письмо императора Цимисхия к князю Святославу) оказывается, что Игоря убили не древляне, а германцы, казнив его своим «готским» способом. Воевода Свенельд возвращается цел, невредим, а князь Мал отчего-то сразу после убийства засылает к Ольге сватов. Ольга же со Свенельдом расправляются со всеми древлянскими посланниками, а затем дотла сжигают Искоростень, словно разом избавляясь от всех свидетелей.

В данном романе мы изложили свою версию событий, которая кажется нам логично оправданной.

Князь Игорь, названный впоследствии Старым, вложил свой камень в зиждительство Русского княжества, достойно оборонял его и укреплял, не утратив ничего из завоёванного ранее его отцом Рарогом-Рюриком и дядькой Олегом Вещим. Он положил начало династии Рюриковичей, правивших на Руси более шестисот лет. Последний из Рюриковичей — сын Ивана Грозного Фёдор не имел детей и скончался 7 января 1598 года в Москве. После его смерти стал править Борис Годунов.

Валентин и Юлия Гнатюк

Часть первая



**ХВАЛИССКОЕ
МОРЕ**

Пролог

Корень рода

Лета 6370 (862), г. Рарог, Вагрия

Князь Рарог отправился в Священную рощу. Он хотел один на один поговорить с волхвом Ведамиром, который в отрочестве был наставником и его, и Синеуса с Трувором.

— Доброе и великое дело задумал твой мудрый дед Госто-мысл, — выслушав ободритского князя, молвил старый кудесник. — Объединение Руси, укрепление её славных родов. Мыслью, в Новгородчине есть много лепых словенок, с которыми упрочился бы род Варяжской Руси? — с лукавинкой спросил волхв, как в душу заглянул.

Помолчали.

— Отче, — с усилием молвил Рарог, — я в поход собрался, хотел благословения у тебя и богов на дальний путь испросить. А мне нынче все о Роде твердят. Отчего-то смущение на душу легло, — признался князь. — Что посоветуешь, отче?

Ведамир поглядел куда-то вдаль.

— Скоро праздник Жатвы на острове Руян, тот великий день, когда раз в году Свентовид пророчествует. Испроси у Великого Бога совета, как тебе лучше поступить, — предложил учитель. И Рарогу показалось, что лукавая искорка опять мелькнула в очах старика.

Проходя на пристань с женой, матерью, братьями, Ольгом и верными охоронцами к лодиям, чтобы плыть на остров Руян, князь заметил странного человека, который сидел на колоде у дороги, ведущей к причалу. Вокруг него вились детишки, словно воробьи у случайно рассыпанного кем-то зерна. Человек показался ему знакомым, но вспомнить, где же он его видел, не мог. Рарог оглянулся, ища Вольфганга, молодого рыжего франка, который многое ведал о разных людях.

— Я здесь, княже, — будто услышав его мысли, откликнулся франк, появляясь из-за спин рослых ободритов. Словенская речь его была почти чистой.

— Скажи, кто это? — кивнул Рарог на худого нескладного человека.

— Так это же тот самый черпальщик, которого вы спасли с горящего драккара, — ответил Вольфганг.

— А почему вокруг него дети? — спросил князь, замедляя шаг.

— Он режет из дерева дудочки, свиристелки да игрушки разные, вот детишки вокруг и вьются. Ещё разговоры ходят, что те игрушки и свистки непростые, будто от всяких напастей они защищают, вроде обережников.

— Так он теперь тем живёт, что продаёт эти поделки?

— Нет, княже, он просто раздаёт всё детям.

Рарог, заинтересованный, пошёл к бывшему рабу и стал подле, наблюдая, как неспешно, но ловко старый почерневший нож с выщербленной ручкой вырезает добрую и потешную зверушку. Сделав последнее точное движение, нож замер, а морщинистая тёмная длань протянула зверушку девочке, которая глядела на неё, как на чудо, широко открытыми сверкающими радостью очами.

Черпальщик поднял очи на князя, и этот взгляд удивил Рарога. Он глядел на него и одновременно куда-то очень далеко, будто в сём взгляде помещалось всё, что было, что есть и что будет, и ещё много чего, людям неведомого.

— Как тебя зовут? — спросил Рарог.

Человек безразлично пожал плечами.

— Люди зовут Черпальщиком. — Потом взял из вороха лежащих рядом сучков и обрезков деревяшку и, показав её собеседнику, спросил: — А как ты назовёшь это? — Теперь

пожал плечами Рарог. — Если я вырежу из неё оленя, ты назовёшь его оленем, а если ежа, то ежом, если птицу — птицей, не так ли? — продолжал вопрошать Черпальщик. — Так что я держу в руке?

Рарог развёл руками:

— Я вижу корень...

— Корень Рода, — закончил бывший черпальщик и сделал несколько движений ножом. — Держи, князь, это твоему сыну, пока он будет при нём, ничего худого с ним не случится.

— Эге, человек, — рассмеялся Рарог, вертя в руках маленькую странную фигурку, — ты ошибся, у меня дочь.

— Это для твоего сына, — снова ровным голосом повторил Черпальщик и ещё раз так глянул на князя своими глазами без страха, зависти, радости или горя, что Рарог покорно взял маленького деревянного человечка и зажал его в своей крепкой длани.

— Почему ты не берёшь плату за свою работу?

— Вы меня спасли не за плату. От этого и моя душа стала другой, такой, что может творить чудо, а это нельзя мерить никакими деньгами. Это чудо — божий подарок, князь, вот я и делюсь им с другими. Не забывай то, что я тебе сказал...

— Чудной человек, да и, в самом деле, побывав рабом-черпальщиком на драккаре викингов, либо тронешься разумом, либо станешь мудрецом, не знаю, какой здесь случай, — сказал спутникам Рарог, продолжая свой путь к причалу и сжимая в руке странного деревянного человечка.

Глава первая

Годовщина Гвена

Лета 6420 (912), г. Киев

— Гляди, снова к Фарлафу воины скачут, да все не простые, поди, темники да тысяцкие! — Судачили промеж собой соседи воеводы Варяжской дружины, когда мимо, взметая крепкими конскими копытами облачка снега и расшвыривая

его заиндевевшие куски по сторонам, проскакивали именитые киевские дружинники в сопровождении своих стремённых и охоронцев.

— Никак, стряслось что? — спросил один из зевак, отступая в сугроб, чтоб пропустить очередного конника.

— Гляди, а то не сам князь ли пожаловал? — второй указал рукой на ватагу из пяти всадников, с ходу въезжающих в раскрытые с самого утра резблённые ворота добротных владений воеводы. Один из них — широкоплечий, статный, в дорогом облачении, едва спрыгнув с седла, сбросил с плеч бобровую шубу, но тяжёлые меха даже не коснулись избитого конскими копытами снега, а были тут же подхвачены ловкими руками молодого стремённого.

— Точно, это он, сам князь Игорь! — подтвердил второй киянин. — По важному, видать, делу собираются!

Следом за верховыми к крыльцу терема подкатили небольшие, но искусно сработанные расписные сани. Возница, натянув вожжи, остановил крепкого конька, а скакавшие следом охоронцы спешили и помогли сойти молодой жене в роскошной собольей шубе и горностаевой шапке.

— Так князь не сам, а с женой своею, княгиней Ольгой пожаловал! — продолжали судачить кияне.

Седмицу тому воевода Варяжской дружины Фарлаф пригласил дорогих гостей почтить своим присутствием семейное торжество: полетье долгожданного внука. Это было важным событием, когда младенца показывают посторонним, ведь дети часто умирают до исполнения сего срока. Воеводу Фарлафа и его сына темника Айка князь Игорь уважал за смелость и верность, с которой они служили ему так же, как некогда отец Фарлафа Свен служил Рарогу. Суровые северные воины Варяжской дружины всегда восхищали Игоря, являясь как бы противовесом материнскому началу в его натуре, поскольку ворожея и целительница Ефанда продолжала иметь большое влияние на сына, даже когда он стал взрослым. Правда, после женитьбы, Ольга несколько оттеснила свекровь. А со дня смерти дядьки Олега Вещего мать стала ещё более молчаливой, будто ушла в свои миры, никому, кро-

ме неё неведомые, где вела долгие разговоры с теми, кого уже давно нет в яви.

Известие о смерти именитого дядьки для Игоря было столь неожиданным, что он долго не мог прийти к согласию с самим собой. С одной стороны, он всегда хотел быть самостоятельным, каким, по рассказам дружинников, был его отец Рарог, и таким же прославленным мирными и воинскими подвигами, как Олег Вещий. Однако, с другой стороны, он привык к постоянной, — явной, а чаще более незримой защите опытных дядьки и матери. И вот теперь он один. Правда, мать из далёкого Нов-града вернулась, да, видно, крепко переживает гибель родного брата, раз молвила, что в дела княжеские отныне не будет входить, и всё теперь ему, Игорю, решать предстоит. Да, с дядькой Ольгом нелепо как-то получилось, какая-то чёрная змея, выползшая из конского черепа, мать даже толком и речь о смерти его не желает. Мрачнеет враз и в себя уходит, будто в раковину прячется. Теперь всё сам, и отвечать самому, — непривычно, и даже где-то тревожно, хоть и не юный отрок давно.

Может, собрать сейчас вокруг себя верных изведывателей, как то было в обычаях Ольга, да они могут начать указывать, что да как делать, скажут: вот, мол, дядька твой всегда так поступал и так, а он ого-го, сколь опытен был, не тебе чета. Нет, не стоит, пусть своими изведывательскими делами занимаются, а в князьи им нечего соваться. Вот Айк, сравнительно молод ещё, с ним можно и суровым быть, и приказать, да и исполняет он всё без возражения, даже тогда, когда видно, что поручение ему не по нраву. И отец его, Фарлаф, надёжен и опытен. А вот Олег-младший верх привык держать, а сейчас, после смерти дядьки, может и вовсе на княжеский трон посягнуть, как его сын и наследник...

Игорь крепко задумался: кого же из друзей именитого дядьки стоит приблизить к себе, а кого нет. И чем более размышлял об этом, тем яснее понимал, сколь сложную ношу ему отныне предстоит взвалить на свои, в общем-то, во многом беспечные плечи. Он, наконец, осознал в полной мере, что прежняя жизнь закончилась, и возврата к ней больше никогда не случится, как не бывает возвращения умерших из

нави. Они могут приходиться только во снах, а как поступать в яви, надо решать самому.

Посему приглашение воеводы Фарлафа и темника Айка на весёлый семейный праздник Игорь, да и Ольга, которой скучно было сидеть целыми днями в тереме, восприняли с душевной отрадой.

Когда Игорь с Ольгой, раздумянные с морозца, вошли в большую хоромину, все присутствующие встали, встречая княжескую чету радостными приветственными возгласами.

Рыжеволосый малец с внимательными, похожими на рысьи очами, ещё нетвёрдо, но деловито перебежал от одного воина к другому, тянул ножны меча или кинжала, а то и, всем на потеху, вцеплялся своими крепкими ручонками в усы кому-либо из варяжских военачальников, которых тут было немало. По случаю праздника одет он был в тёмные порты и шёлковую белую рубаху, вышитую обережными рунами, перепоясан ремешком с ножнами, из которых торчала рукоять маленького деревянного меча. К всеобщему восторгу именинник скоро извлёк меч и стал махать им, попадая по ногам и выставленным рукам взрослых, которые хохотали и ещё больше подзадоривали именинника.

К приходу княжеской четы, пир и разговоры были уже в разгаре. Раззадоренные мёдом и греческим вином воины, седоусые и молодые, невысокие рыжебородые выходцы из нурман и могучие, с бритыми подбородками воины из Варяжской Руси, русо- и темноволосые киевские дружинники старались убедить друг друга, в чём-то находя согласие, а в чём-то горячо споря.

— Да на Царьград, я тебе реку, идти надо, вот где добыча, вот где золото и паволоки! — убеждал рыжебородый воин, явно из свеев или норвегов, своего соседа со смоляными кудрями.

— На что нам тот Царьград сдался, коли у нас и земли, и зерна, и воска, и льна доброго в достатке, а рыба, а пушнина, а ... — возражал темноволосый.

— Верно, брат, Прослав, что земля даёт, то и наше, а как говаривали в старину, от лишнего пусть боги нас избавят,

ведь от лишнего человек сам всем лишним становится, — завивал русой головой третий собеседник.

Появление Игоря с Ольгой на время погасило горячие споры, и воины, сначала немного вразнобой, а вдругорядь и в третий раз дружно гаркнули:

— Слава князю с княгиней!!!

— Где ж наследник твой, темник? — обратился Игорь к Айку, когда они с Ольгой заняли отведённые им места во главе стола.

— Да вот он, — Аик подвёл мальчика.

— Как назвал?

— Свенгельдом, в честь прадеда.

Стоявший рядом воевода Фарлаф одобрительно кивнул, явно любуясь и гордясь долгожданным внуком. «Жаль, старый Свен не дожил, чтоб потешиться правнуком. Вот он, такой же шустрый и рыжеволосый, как все в нашем роду», — с теплотой думал Фарлаф.

Игорь, произнося здравицу младшему Свену, поднял его на руки, желая ему быть настоящим воином и защитником.

— А это подарки от нас, — молвил князь, доставая серебряный медальон, заказанный специально для именинника, и расшитую рубашонку, — сии обережные узоры княгиня сама вышивала, — похвалился Игорь.

— Великий Триглав, который приносит удачу в бою воину, охраняет от колдовства и несчастий! Да хранят вас боги, пресветлые князь и княгиня! — восхищённо воскликнул Аик, разглядывая тонкий витиеватый рисунок серебряного оберега, исполненного в виде трёхконечного переплетённого между собой змеевика.

— Это не простой оберег, он похож на наш древний скандинавский Мьёлльнир, — молвил растроганный воевода Фарлаф, подходя к сыну и рассматривая затейливый узор, сплетённый с трёхконечным змеевиком. — Символизирует корни Деревя Иггдрасиль, объединяющего три мира, — небо, землю и страну мрака. Помню, у отца был схожий....

Мать тем временем, дабы сделать приятное княгине, тут же, под одобрительные возгласы гостей, переоблачила мальчика в мягкую рубаху из лучшего северного льна.

— Ого, Свен, да ты теперь будешь охраняем мужской и женской силой, самая надёжная защита! — воскликнул могучий светловолосый полутемник Воля.

— А то, не каждому рубаха достаётся, самой княгиней вышита! — подхватил круглолицый киянин из купцов.

Однако подарки оставили малыша равнодушным. Он принялся разглядывать переливающуюся золотом фибулу на одежде князя, а потом его внимание привлёк неказистый старый амулет из простого дерева на коротком шнурке, который при вздымании князем вверх руки с кубком, выпростался из разреза рубахи и оказался снаружи. Малец ухватился пухлой, но цепкой ручонкой за чудной не то корешок, не то изображение человечка, никак не желая отпускать его. Мать Свена-младшего, пытаясь замять неловкость, хотела забрать своё чадо, но тот вмиг надулся, засопел, а потом разразился обиженным плачем, не отпуская понравившуюся игрушку. Видно непростой была рука спасённого некогда рарожичами черпальщика, вырезавшего сей амулет, и не просто так вкруг него, как заворожённые, всегда толпились детишки.

К делу уже хотел подключиться отец мальчика, но Игорь остановил его.

— Ладно, не реви, воин, пусть теперь тебя хранит сей оберег, а мне моей дружины и собственного меча достаточно, — промолвил князь, и, сняв шнурок, одел его на шею именинника. — Пусть это будет ещё одним подарком к твоему сегодняшнему первому лету жизни! — В сей миг незримый ветер времени коснулся души князя, и по телу прошла какая-то неприятная волна то ли расслабления, то ли усталости...

«Мамо, а верно рекут, что ты можешь зреть судьбу человеческую, и мою тоже, расскажи о ней», — попросил юный Ингар, находясь в своём уютном резном ложе, перед тем, как после дневной беготни окунуться в сладкий сон.

«Того делать не можно, сыне, — погладила по голове ласковая материнская рука. — А тебе волноваться нечего, пока с тобой отцовский бережник, ничего худого с тобой не приключится, спи»....

Князь тряхнул головой, отгоняя наваждение, и обратился к застольным разговорам своих верных дружинников. Ведь

праздник годовщины младшего Свена был ещё и поводом за доброй чарой поговорить промеж собой воеводам, боярам да темникам, порешать с князем Игорем, как ныне, после ухода старого Ольга Вещего, быть дружине, куда направить стопы свои и копьа.

Ольга, почуяв, что мужу не до мальчика, забрала его и посадила себе на колени, а тот и не обратил на сие никакого внимания, потому как был занят своей новой игрушкой, продолжая её усердно разглядывать, вертеть в ручонках так и эдак, а потом привычно потянул в рот. Супруга Айка, Нора, направилась было к княжеской паре, чтобы освободить её от непоседливого дитяти, да заметив, с какой нежностью прижала мальчика к себе княгиня, поняла, что этого делать пока не стоит.

— Гляди, как княгиня с мальцом тетёшкается, — шепнула ей подруга.

— Так ей-то уже своих давно пора нянчить, а детишек боги всё не дают! — Тихо ответила Нора, незаметно поглядывая на княгиню, которая бережно касалась рыжих вихрастых волос на голове малого Свена.

— А что, княже, не сходить ли нам ещё супротив кичливой Визанщины, чтоб науку киевскую крепче помнили? — повеселев после хмельного мёда, снова молвил рыжебородый темник Руав. — Зазря, что ли, в Корчеве, пять сотен больших морских лодий стоят?

Игорь тоже всё время подумывал, как бы ему лучше показать себя настоящим воином и князем. Большая часть его немалой дружины, особенно варяги и нурманы, жаждали настоящих походов, богатой добычи и славы воинской, то есть того же, чего желал и он сам.

— Царьград крепость серьёзная, чтобы на неё в поход идти, много сил надо, и конных и пеших, и привлечения союзников-толковинов, а значит, для всего этого много серебра и злата потребуется, да с болгарами и уграми договориться, — подал веский голос воевода Олег-младший. Был он в мать — кареглаз, темноволос, да и станом гибок, как Веллина, но в поведении, в манере говорить, даже в движениях,

неспешных и точных, он более походил на своего прославленного отца.

— С ромеями Олег Вещий только недавно мирный договор заключил, они дань исправно платят, пока нет повода против них идти, — нехотно возразил Игорь, больше чтоб пресечь Олега-младшего и показать, кто теперь главный.

— Разве на ромеях свет клином сошёлся? — молвил Фарлаф, кивнув невестке в сторону княгини Ольги, которую малец уже стал теребить за грудь, явно желая подкрепиться. — На море Хвалиском много богатых градов, которые разжирили на торговле с Асией, их можно хорошо потрясти. Серебра у нас мало, арабы нынче почти не идут в Киев.

Жена Айка уже и сама заметила требовательные движения сына и смущение княгини и, быстро подойдя, забрала своё уже начавшее капризничать чадо.

— У меня сейчас с полсотни вильцев службу начали, недавно с моря Варяжского прибыли, так около десятка из них в последнем походе на море Хвалиское участвовали, что четыре лета тому был, — продолжил воевода Фарлаф. — Они речут, что там места не менее богатые, чем Царьград-Византий. Добра взяли немеряно.

— Погоди, воевода, а как же они мимо Итиля туда и обратно прошли? — спросил князь, недоумённо приподняв левую бровь.

— Они с жидовинами хазарскими договорились, — ответил воевода.

— Вот в это верю, — потряхнул кудрями киевский полутемник Воля, — жидовины за плату и бога своего продадут, не то, что проход через Итиль обеспечат. Небось, варяги им полонников по сходной цене уступили?

— Подробностей договора я не выспрашивал, — молвил Фарлаф. — Но коли нужно, всё разузнаю.

Долго спорили воины, забыв об имениннике, который уже давно крепко спал в дальней горнице, сладко улыбаясь во сне и всё ещё сжимая в маленькой ручонке неказистый деревянный оберег.

Уехала на своих санях и Ольга, сопроводить её до берега взялся воевода Олег со своим стремненным и несколь-

кими охоронцами. Игорь этому был даже рад, присутствие более опытного в воинском деле Старшего несколько мешало в жарких разговорах с темниками и боярами. Сын Олега с детства постоянно опекал его, потом ходил с отцом на Царьград, а он, Игорь, оставался в Киеве. Теперь расклад изменился, он сел во главу стола Киевской и Новгородской Руси, и решающее слово должно быть княжеским, пусть это запомнят все!

Олег сопроводил Ольгу до самого терема и, отпустив охоронцев, прошёл за ней сначала в сени, а потом в гридницу, ярко освещённую хоросами, которые теремные слуги зажгли, едва услышав приближение хозяйки. Ольга любила, когда много тепла и света, оттого в тереме всё сияло, и жарко топились печи.

— Ну, вот я тебя и доставил в целости и сохранности, — молвил воевода.

Ольга повернулась к нему, раскрасневшаяся от мороза, в собольей шубе и горностаевой шапке, которая сбилась чуть набок, и воевода мельком отметил, что зима к лицу его землячке. Если на полудне жёны расцветают и становятся краше всего весной, то полуночных дев красит мороз да снег. Живо вспомнилось, как северные красавицы после крепкого пара в мовнице, называемой у них вепским словом «банька», с мокрыми волосами, рассыпавшимися по округлым девичьим раменам и упругим розовым персям, с весёлым визгом и хохотом выскакивают из дверей этой самой баньки в глубокий и чистый снег. Невольно представив среди них Ольгу, он подумал, что Младший не ценит того счастливого дара, который преподнесли ему боги, соединив с Прекрасой.

— Погоди, — видя, что воевода собрался уходить, взяла его за руку Ольга, — рассыпался сон от мороза, будто и не ночь сейчас, а утро, совсем спать не хочется. А Игорь ещё не скоро вернётся, он со своими темниками да воеводами теперь долго беседовать будет, посиди со мной, земляк, края наши полночные вспомним.

— А я всё время помню, — молвил Олег, сбросив шубу и шапку на лаву и помогая разоблачиться Ольге, — как тебя впервые увидел, когда с отцом, Скоморохом и Сивером прие-

хал в вашу Выбутовскую весь тебя сватать. И теперь будто по стопам за тобой иду, — тихо молвил воевода. — Вот ты замуж вышла, а через время и я женился...

— Да уж не знаю, кто за кем по стопам... У тебя жена при родах умерла, и оттого наследника нет, и мне боги дитя не дают, — подходя к горячему боку печи и согревая озябшие руки, грустно заключила Ольга. — А что, показалась я тебе тогда? — вдруг игриво обернулась княгиня, склонив голову и приподняв светлую бровь.

— Ещё как показалась, я даже Игорю по-доброму поза-видовал...

— Ну да, — опять погрузилась Ольга, — кто же тогда ведал, что у меня с детками так получится. Коли бы заранее знал, небось, не завидовал? — кинула быстрый вопросительный взгляд жена.

— Я бы всё одно счастлив был, — ответил совсем тихо Олег, глядя куда-то перед собой, будто боялся, что собеседница его услышит. В гриднице наступила тишина. Согрев руки, Ольга села на лаву, устланную медвежьей шкурой. Под лавой что-то зашуршало, и гибкая небольшая тень возникла у ног княгини. Домашний хорёк Нырка пепельного цвета с белой мордочкой, став на задние лапки, заглядывал в очи хозяйке, словно пытаясь понять, что её огорчило. Ольга взяла его на колени и принялась гладить, чуткое животное успокоилось и, свернувшись калачиком, задремало.

Олег подошёл и сел рядом.

— А, может, тебе к матери Ефанде обратиться, она многим жёнам в сём деле помогла...

— Нет, к ней не стану обращаться, — вмиг гордо выпрямив стать, посуровела Ольга, и воевода понял, что не след более говорить с ней об этом. Они сидели бок о бок, очарованный воевода и посуровевшая, но оттого не менее прекрасная, княгиня со спящим хорьком на руках. Вдруг она как-то обмякла и, склонившись к плечу Олега, тихо по-женски всхлипнула.

В княжеский терем возвращались далеко за полночь. Ночь вывездила чёрный небосвод щедрой россыпью ярких самоцветов, лунная богиня Макошь ткала тонкую серебра-

ную пряжу, облекая ею весь подлунный мир, и призрачный свет её отразался от такого же холодного снега, который звонко скрипел под конскими копытами, а от дыхания коней и людей клубился густой белесый пар.

— Давай напрямую, через овражек! — предложил Игорь. Разгорячённому выпитым хмельным мёдом и разговорами со своими военачальниками о будущих славных победах, князю вдруг страсть как захотелось навестить живущую тут недалеко справную вдовицу, у которой он порой при случае согревал одинокую постель. Отношения с Ольгой давно уже вошли в привычку, а горячая вдова, соскучившаяся по мужской ласке, так радовалась нежданно выпадавшему счастью, что с ней он забывал многое. Ольга уже, поди, давно спит после доброго застолья, а он мог задержаться с темниками и до утра, не впервой, пусть привыкает, что у него теперь много важных княжеских дел.

Молодой стремённой, который с полуслова понял князя, тронув серого в яблоках коня, первым направил его по склону. Придерживая за повод храпящего и скользящего скакуна, лихо спустился на дно овражка, а потом, поддав пятками сапог по бокам, птицей полетел на противоположную сторону. На заснеженном гребне конь снова судорожно заработал передними ногами, однако задние копыта предательски скользнули по боку овражка и, выгнув шею, вращая испуганными очами, скакун завалился на белый снег, придавив всадника. Он вскочил почти сразу, храпя и мотая головой, тут же выскочил обратно к остальным всадникам, а его седок остался лежать на дне овражка.

Двое из охоронцев немедля бросились к лежащему.

— Зимород, ты как, руки-ноги целы, чего молчишь? — Заушетились воины вокруг лежащего на снегу молодого соратника.

— Что с ним? — Встревожено спросил князь.

— Жив, но двигаться не может, сейчас вытащим и на коня положим...

— Погодите, оставайтесь при нём, осторожно его на спину переверните и никуда пока не тащите, — быстро повелел Игорь, спускаясь вниз. — Похоже, хребет повредил...везти

его поперёк конской спины сейчас нельзя, — упавшим голосом молвил князь. — Вы, двое, за возом. Ты, — оборотился князь к последнему из охоронцев, — в терем немедля, вели топить мовницу, да мать Ефанду извести о сей беде! — Князю было отчаянно жаль своего совсем молодого, но ловкого стремленного. Как и все в его ободритском роду, он уважал смелых людей и щедро награждал их, несмотря на возраст и положение. А тут ещё чуял себя виноватым из-за своей задумки ехать напрямик.

Охоронцы под зорким присмотром князя внесли стонущего стремленного в мовницу, уложив в предбаннике на широкой лаве, и принялись острыми ножами разрезать на нём одеяние, чтоб не тревожить снятием повреждённый хребет. Затем, сняв рубахи и оставшись в одних портах, Игорь с охоронцами с величайшей осторожностью внесли юношу в парную и уложили на полку лицом вниз.

— Эх, пару маловато, не успела мовница прогреться, я сейчас поболее дров подкину, — молвил один из охоронцев.

— Погоди, большого пару и не надобно, — остановил его князь. — Как только на теле у Зиморода крупные капли пота появятся, можно звать мать.

Но в предбаннике послышались голоса, и в парную вошла Ефанда в длинной льняной рубахе с бережной вышивкой по подолу и плечью. На чреве большая руна здравия, и на спине такого же размера руна тайных знаний, что связывают разум яви и дух нави в единое целое. На поясе висел её старинный мешочек с огамическими рунами, выжженными на дереве. Ворожея ни на кого, кроме лежащего перед ней увечного, не глядела, зелёные очи её были сосредоточены. Запустив десницу в мешочек, она высыпала на полку рядом со стремленным несколько рун. По знаку Игоря один из охоронцев поднёс масляный греческий светильник ближе. Ефанда глянула на выпавшие руны, но ни слова не произнесла. Князь же с двумя гриднями и вовсе затаили дыхание.

Мать-Ефанда, как называли её все в тереме, да и во всём Киеве, прикрыла очи и, опустив десницу на хребет несчастного, осторожно повела тремя перстами от основания черепа вниз, время от времени что-то ощупывая и поправляя из по-

звонков. Два гридня стояли подле, готовые по велению Ефанды перевернуть или придержать покалеченного юношу.

Чародея то останавливала движение перстов, что-то невнятно проговаривая при этом, то снова чутко двигались ими по спине болезного. Сколько это продолжалось, никто сказать не мог, время будто стало вязким и густым, как тягучий мёд, казалось, ещё немного, и оно вовсе остановится.

— Всѐ! — коротко молвила мать князя и смахнула с чела обильный пот. — Осторожно поднимайте и несите в предбанник, а пока он там отдыхать будет, приготовьте ложе, только не мягкое, а положите на доски сложенный вчетверо холст, и всё, — ни перин, ни сена не подстилать. Мазь нужную я принесу и умашу спину ему, потом сами будете мазать каждый вечер.

Ефанда проследила, как переносят и укладывают юношу в предбаннике из светлого дерева, украшенного резьбой и плетением, где было светло от многих свечей и светильников, поправила полотно с бережными рунами. Гридни пошли готовить ложе. Игорь затворил за ними дверь и повернулся к матери.

— Ну что, мамо, Зимород ходить будет? — с надеждой спросил он.

Ефанда устало взглянула на сына и вдруг замерла.

— Где твой оберег? — спросила она, уже предощущая беду.

— Так это... мальцу Айка... он плакал, вот и подарил, да что тут такого особенного? — сначала запинаясь, а потом уже твёрже возразил Игорь.

— Ты его подарил? — чужим голосом уточнила Ефанда.

— Так вчера...малому Свену на годовщину... — пробормотал князь, чувствуя, сколь сильно мать расстроена его поступком. Игорь любил мать, она всегда была рядом, оттого стремился не обижать её, особенно после смерти дядьки Ольга. Осторожно тронув мать за руку, Игорь тихо молвил: — Ну, не мог же я отобрать у дитяти...

— Если подарил, то забирать нельзя. Оберег нельзя украсть или завладеть им силой, его можно только передать по доброй воле. Только не надо было дарить именно этот

оберег, это ведь отцова память и защита твоя... — шептала она, глядя куда-то перед собой тем взором, от которого Игорю всегда становилось не по себе.

— Моя защита — меч и дружина, — повторил Игорь слова, сказанные вчера, не признаваясь в том, что чувствовал себя неуютно без отцовского оберега, а теперь ещё этот случай со стремленным...

— Будет ходить твой Зимород, — устало молвила Ефанда. — Приглядывай пока, а я домой, мазь привезу.

Глава вторая

Мойша Киевский

Лета 6420 (912), г. Киев

— Так что, воевода, с кем вильцы четыре лета тому договаривались за проход мимо Итиля в море Хвалисское? — спросил, как бы походя, Игорь Фарлафа спустя некоторое время после празднования полетья его внука.

— Они договаривались с купцом, который большей частью тут, в Киеве, на Хазарском подворье обретается. Зовут его Мойша, а все Мойшей Киевским кличут. Рекут, что через родичей своих в Итиле он к самому Беку вхож, но может и врут, кто же этих жидовинов разберёт. Так что, княже, — понизил голос рыжебородый кряжистый начальник Варяжской дружины, — попробовать поговорить с сим рахдонитом, может и мы, как те вильцы, сходим погулять на море Хвалисское? Рахдонит — это по-персидски «знающий дорогу», — пояснил военачальник, — так называют опытных иудейских купцов, водящих караваны из Китая на Запад. Благодаря своей пронырливости, они баснословно обогащаются, в Китае берут шёлк, на севере меха, а потом всё это обращают в серебро да золото. Но самый главный товар, приносящий наибольший доход — это, конечно, рабы.

— А поговори! — молвил горячо Игорь, и опытный Фарлаф заметил хищный огонь в княжеских очах. Оттого с охо-

той взялся воевода исполнять поручение, найдя того самого Мойшу Киевского и вступив с ним в беседу.

Только беседа оказалась не такой простой.

— О, грозный воевода, конечно, я могу передать твои пожелания своим хорошим знакомым, которые вхожи к великому Хамалеху... — Пожилой жидовин помедлил, то ли для того, чтобы собраться с мыслями, то ли желая подчеркнуть особую важность вопроса, и, глядя тёмными очами куда-то мимо Фарлафа, проговорил всё тем же услужливо-подобострастным тоном восточного торговца: — Почтенные купцы могут так решить это важное дело, что удовольствие будут иметь все, — и ты, и твои могучие воины, и люди Хамалеха, и сам великий Каган. Но это очень трудное дело лично для меня и моих людей, ты сам понимаешь, насколько это опасно. Одно дело просто торговать, а совсем иное, решать княжеские вопросы... — голос Мойши стал тихим, проникновенным, почти заговорщицким, голова склонилась набок, чёрные очи испытующе поглядели на воеводу, седые кустистые брови выгнулись дугой, и сильнее обозначились большие мешки под очами. Казалось, даже лысый череп, прикрытый сверху небольшой шапочкой из тёмно-зелёного бархата и сжатый с двух сторон курчавыми, наполовину поседевшими волосами, выражал ожидание. Облачён купец был то ли в халат, то ли в кафтан с большими — в целую длань — тиснёными цветами и золотым шитьём на рукавах и груди. Под халатом виднелось ещё несколько одежд. Фарлаф знал, что жители пустынь всегда одеваются в многослойные одежды, как зимой, чтобы сохранить тепло, так и летом, чтобы не так страдать от палящего солнца. «Оттого от них и дух недобрый исходит», — мимоходом успел подумать воевода.

— Коли всё сладится, после похода ты получишь возможность первым покупать невольников, захваченных моей Варяжской дружиной, — пообещал воевода, немного отстраняясь от заглядывающего прямо в очи купца. Фарлаф с малых лет рос и мужал среди варягов, россов, словен и вепсов, кои все любили мовницы и баньки, блюдя чистоту, и оттого запах давно немытого тела, исходящий от пожилого жидовина,

воеводе не нравился. Ладно бы жил в пустыне, где влаги не хватает, а в Киеве то на каждом шагу водное изобилие.

— Рабы — это, конечно, хорошо, — кивнул Мойша. — Но ты же понимаешь, храбрый воевода, — за всё нужно платить, и платить сразу. Никто даже не подумает запрячь коня, имея в суме одни обещания...

— Ты хочешь сказать, купец, что заплатить нужно сейчас? — недовольно сдвинул густые пегие брови воевода.

— Мне самому ничего не нужно, я так уважаю киевского кагана Ингара и тебя, почтенный воевода, что готов всё сделать почти задаром, но ты же знаешь наших купцов — они шагу не сделают просто так. Ты бы знал, могучий воин, какие это скарედные и мелочные люди! — воскликнул Мойша, в возмущении вскидывая вверх руки своего дорогого, однако лоснящегося на локтях и у запястий одеяния.

«Да уж, знаю я вашу бессеребренность», — в сердцах про себя думал Фарлаф, напряжённо соображая, как бы ему сейчас уйти от предоплаты. Ведь если дать жидовину деньги, то назад их уже не получишь, даже если никакого договора с Хазарией не случится.

— Так я же тебе рёк, купец, что по самой дешёвой цене уступлю невольников, а это большой, очень большой барыш; вы же невольников потом во много раз дороже продаёте, так? — попытался надавить на торговца Фарлаф.

— Так я же согласен, но деньги нужны будут сейчас, а рабы появятся только после похода, да ещё неизвестно, сколько и каких, может совсем худых да ленивых, — никак не уступал торговец.

Они долго спорили, каждый доказывал свою правоту и обосновывал свои расходы. Наконец сговорились о сумме, которую из княжеской казны нужно было заплатить Мойше Киевскому, чтобы он послал в Итиль своих людей.

— Мне же ещё дружину к походу готовить, а это, представляешь, какие траты? — горячился обычно невозмутимый нурман.

— Разве ж я не понимаю? — всплёскивал рукавами расшитого кафтана жидовин, потрясая короткими толстыми пальцами с дорогими перстнями на них. — Разве Мойша бро-

сит своего сотоварища, а мы таки теперь с тобой сотоварищи в этом деле, воевода! Спроси во всём Киеве и во всём Итиле, и вообще, где хочешь, спроси, когда такое было, чтобы Мойша кого обманул или отказал в помощи? Ой, вэй, такого никогда не было, я тебя уверяю! — Округляя свои и без того большие «абсолютно честные» очи, восклицал торговец. — Я дам тебе эти деньги, которые ты должен мне сейчас заплатить, в долг, только ты будешь должен мне немножко больше, ну, а как же иначе, таков закон торговли, почтеннейший воевода...

Голова Фарлафа, не раз выдержавшая крепкие удары по шелому, стала слегка кружиться от того потока слов, который лился с языка купца. Воевода чувствовал, что разум его начинает слегка туманиться, как у раненого охотником вепря. Упрямо мотнув потяжелевшей головой, чтобы прогнать туман, воевода снова ринулся в спор с Мойшей.

— Ты хочешь две с половиной тысячи дирхем сейчас, но это очень много, купец, это сто гривен серебром! Мы платим в год, заметь, Мойша, в год, триста гривен храму Свентовида, и за эти деньги рыкари и жрецы священного храма, которых почитают все племена на Варяжском море, обеспечивают безопасность нашей Ладogi и всей Северной Словении!

— Сравнил, воевода, то ж рыкари храма, которые берут чисто условную дань, а это торговцы, которым надо платить сполна! — возбуждённо воскликнул Мойша.

— Ага, да к тому же жидовины! — не сдержался сын викинга.

— Что да, то, да! — Неожиданно совершенно спокойно согласился купец, и оба спорщика рассмеялись.

— Ладно, ты мне так лёг на душу, дорогой Фарлаф, что я готов уладить дело даже за две тысячи дирхемов. Ну, подумай, вы получите в походе столько добычи, что эти несчастные две тысячи покажутся слезами моей покойной бабушки на могиле её любимого осла в Семендере. Заметь, я не прошу серебром в слитках-гривнах, достаточно будет дирхемов. Конечно, хорошо бы старых полновесных, которые идут двадцать за один динар или за ту же гривну, но если нет такой возможности, я и тут готов пойти навстречу, — всплётски-

вал рукавами халата купец, — пусть это будет новый лёгкий дирхем, что идёт двадцать пять монет за динар или гривну! Даже можно часть всякой мелочью — векшами-веверицами или резанями. Мне ведь придётся расплачиваться с разными людьми, порой не очень именитыми, таким беличьей шкурки или часть монеты в самый раз. Мало того, воевода, я возьму из этих двух тысяч только половину, причём часть мелочью, а тысячу отдаю тебе на подготовку дружины, я же честный человек, воевода, — проникновенно и доверительно говорил Мойша, заглядывая в очи, и по его словам выходило так, что он, купец, благодетельствует воеводу.

Но Фарлаф на остатках разума да каком-то чувстве скрытой опасности, которое не раз спасало его в смертельных схватках, продолжал отбивать лукавые извороты торговца.

— Погоди, купец, давай сразу договоримся, чтобы потом не было спора, — упрямо тряхнул головой, уже изрядно потяжелевшей от разговора с изворотливым жидовином, Фарлаф, — давай считать в гривнах, одна гривна кун — это двадцать пять дирхемов...

— Или двадцать ногат, тех самых полноценных старых дирхемов, — тут же подхватил словоохотливый Мойша Киевский. — А новых, да, двадцать пять дирхемов, или пятьдесят резаней, или сто пятьдесят вевериц. Золотая монета идёт как две серебряных. Всё просто, всё можно быстро пересчитать. Да ты не сомневайся, доблестный воевода, мы же с тобой живём здесь, в Киеве, и друг друга не обманем, я тебя уверяю, всё будет как надо, — радушно улыбаясь, сыпал своим знанием цен на товары и переводом одних денег в другие Мойша. От всех этих дирхемов, кун, динаров, вевериц и ногат в голове воеводы снова затуманилось.

Словесная борьба шла долго.

— Ладно, — подытожил купец. Сняв свою маленькую шапочку, он левым рукавом дорогого халата отёр лысину и чело и снова водрузил шапочку на темя.

«Так вот отчего рукава его одежды лоснятся», — мелькнула догадка у воеводы.

— Значит, так, — молвил купец устало, — завтра ты приносишь денег и мехов только на сорок серебряных гривен,

а остальные шестьдесят положенных мне гривен пустишь на вооружение своей дружины, а после похода отдашь мне эти шестьдесят, верно?

— Так, — мотнул головой в знак согласия Фарлаф.

— А ещё рост за шестьдесят моих гривен, что я даю тебе на сбор дружины, это будет ещё восемнадцать гривен. И это я тебе скажу, воевода, очень хороший, совсем небольшой рост, как своему, как брату.

— Треть роста, это как брату? — изумился Фарлаф. — Я слышал, Мойша, — молвил совсем замороченный воевода, — что твоя вера запрещает давать деньги в рост братьям.

— Ой, вэй, дорогой Фарлаф, мы только исполняем то, что начертано. — Кстати о начертании, давай запишем наш договор, не всё, а только то, сколько ты мне должен. Не потому, что я тебе не доверяю, ни боже ж мой, а просто потому, что такой у нас, купцов, порядок! А князю передай наше искреннее и глубокое почтение и непременно скажи, что вся хазарская община Киева в каждый миг готова помочь кому-нибудь воину и храбрейшему из каганов, если ему понадобятся деньги или что иное на его великие дела.

Когда Фарлаф наконец вышел из жидовского торгового двора, он раз и другой глубоко вдохнул чистый морозный воздух, столь желанный после кислого запаха жилища Мойши. Проходя мимо небольшого строения, Фарлаф захватил с низкой крыши полную пригоршню снега и с наслаждением отёр чело и лик, зарывчав при этом от удовольствия. — «Как же так получилось, — пытался понять бывалый воин, у которого разум немного прочистился морозом, — денег на оснащение дружины я у Мойши не получил, а должен ему остался ещё больше, чем тот просил на «начало дела». Всю жизнь считал, что мы, норманны, своего никогда не упустим, и, как купцы, торговаться умеем, а вот, поди ж ты, и денег нет, и долг за них уже вырос, а всё вроде бы верно»...

Он вспомнил, что завтра должен занести Мойше сорок гривен, а после похода отдать шестьдесят гривен, якобы полученные у купца на подготовку дружины, да ещё восемнадцать гривен росту. Всего сто восемнадцать гривен, — да ведь это почти три тысячи дирхемов, а он вроде согласился за две...

Ерунда какая-то, — идя к своему коню и терпеливо ждавшему стремennomу, ругался про себя на языке свеев Фарлаф, — и деньги отдам, и долг получу, снаряжение сам куплю, да ещё лучших рабов с будущего похода сему Мойше продать придётся. Как-то всё с ног на голову переворачивается! Эх, сам надоумил князя связаться с этими хитрыми жидовинами, а теперь уже деваться некуда — договор подписал собственоручно. — Ничего, — успокаивал себя воевода, направляясь к княжескому терему, — если что, припугнём сих рахдонитов, чтоб исполняли обещанное, главное, чтоб всё сладилось, а там уж мы возьмём своё!»

Итиль, 913 г.

Главный раввин явился к беку, как всегда в предобеденное время. Одет он был в привычную одежду первосвященника, — перепоясанный бархатным поясом халлук лаван — белый шёлковый халат с широкими рукавами, обшитый голубыми полосами и длинной бахромой голубого цвета — цицит, издавна служившей иудеям оберегом. На голове белая круглая каракулевая шапка, опять же отороченная по нижнему краю голубым шёлком. На руках перстни с бирюзой. Голубой цвет, цвет неба — «Престола славы» небесной — издавна использовался в оформлении Скинии Завета и в одеждах иудейских первосвященников; также драгоценные камни голубого цвета — сапфир и особенно бирюза использовались в качестве защиты от нечистой силы.

Собеседники уселись за маленькие шестигранные столики, которые разнились по цвету. Перед беком стоял столик, инкрустированный красным деревом, а перед раввином — чисто белый, с золотым ободком по краю столешницы. По две медные жаровни с коваными переплетениями стеблей и цветов диковинных растений стояли по обе стороны от собеседников так, чтобы сидящие за столиками могли протянуть руку и погреть её над краснеющими в чашеобразных жаровнях углями. Если беседа длилась долго и угли подостывали, бдительные рабы тут же приносили другие жаровни,

а остывшие уносили, держа их за деревянные рукояти, насаженные на медные стержни.

Поговорив о Талмуде и Писании — таков был заведённый порядок — перешли к делам мирским. Из самых отдалённых и сопредельных стран, княжеств и земель к главному раввину стекались известия от его многочисленных подчинённых раввинов, которые, в свою очередь, собирали их среди своей паствы, разбросанной во всех земных уголках, где только есть рынки и торговля.

— Как обстоят дела наших общин в Кустандии, Святейший? После смерти Льва на трон взошёл его брат Александр, которому, говорят, по сердцу больше развлечения, чем государственные дела. Можем ли мы использовать это, чтобы наше влияние на тех, кто правит Восточной Римской империей, стало сильнее, чем ненавистных нам армян, до сего времени цепко удерживающих императорский престол? — спросил бек, опираясь правым локтём на узорчатые парчовые подушки.

Аарон Второй, сын Вениамина, невысокого роста, лет сорока от роду, в молодости был заядлым любителем скачек, поджар и быстр в движениях. После того, как стал беком, в скачках сам не участвовал, меньше двигался и обзавёлся округлым чревом, которое было малозаметным, когда он сидел, и проявлялось, когда Аарон вставал во весь рост. Лик его и шея, как ни странно, совершенно не носили признаков полноты, оставаясь вполне подтянутыми. Лик был обрамлён подстриженной на византийский манер бородой, нетронутыми оставались только пышные волосы у висков — пейсы. Одет он был, как и большинство богатейших людей и высших чиновников Хазарии, в некую помесь персидского и византийского платья. Под красным шёлковым халатом с широкими рукавами виднелась узорчатая туника, расшитая у ворота и на груди золотыми и серебряными нитями, одетая, в свою очередь, на белую тунику из чистого льна. Макушку бека, обрамлённую тёмными чуть волнистыми волосами, покрывала парчовая шапочка, украшенная жемчужинами и самоцветными камнями.

— Да, Великий хамалех, мы стараемся укрепить наше влияние в Восточной Римской империи. Борьба в верхах Империи идёт, но потеснить там армянское влияние пока не удаётся, к глубокому сожалению, — отвечал главный раввин, часто моргая выцветшими подслеповатыми глазами. Его редкая седая борода в виде узкого клина иногда подрагивала, как у большинства старых людей, но разум был ясен, и память пока не подводила. Старик махнул двумя перстами, подзывая стоящих поодаль слуг, и повелел им поставить жаровни ещё ближе, — его брненное тело уже плохо держало телесное тепло. После этого он продолжил свою речь, то и дело, согревая бледно-жёлтые руки над мерцающими углями. — Лев Шестой, как и его отец, Василий Македонянин, продолжал притеснения наших братьев, требуя принимать крещение и жить строго по христианским обычаям. Иудеям в Кустандии по-прежнему запрещено иметь рабов-христиан, проповедовать свою веру, занимать государственные должности, присутствовать на публичных церемониях, им приходится постоянно терпеть прочие унижительные для нашего народа попрания. И сейчас ничего не меняется, хотя новый император, легкомысленный Александр, действительно государственным делам предпочитает развлечения и женщин.

— Так может сделать так, чтобы очередной «избранницей» Александра стала настоящая иудейка? — Оживился бек, и в глубине его тёмных очей блеснула искра. — Наши женщины традиционно обучены угождать чужестранным мужьям и при этом незаметно управлять ими, внушая нужные нам мысли и решения. Именно так мы почти бескровно завоевали для наших сердец Хазарию. В своё время Великий Булан, наследником которого являюсь и я — да хранит его Всевышний! — сделал многое, но военная власть оставалась в руках тюрко-хазарской знати, с которой нелегко было сладить. И тогда в ход пошла любовь. Чтобы добиться желаемого, нам понадобился не один десяток лет. Мы старались выдать замуж своих прекрасных дочерей за ханов и их родственников. Благо, в Хазарии разрешено многожёнство, и иудейки пополняли гаремы. Появилось множество детей от смешанных браков. А поскольку у нас принадлежность к роду

определяется по матери, их сыновья, оставаясь тюркскими царевичами, становились членами иудейских общин. Благодаря Светлейшему Обадии, теперь вся власть сосредоточена в наших руках. Думаю, и императору Кустандии Александру сможем подобрать хорошую пару...

— Боюсь, хамалех, что ему уже не до женщин. Император до дна испил чашу плотских наслаждений, его детородные члены теперь просто гниют заживо, думаю, ему недолго осталось, — в своей неторопливой манере отвечал седовласый иудейский раввин, почти незаметно ухмыльнувшись.

— Что ж, тяжёлый недуг властелина — ещё более удобный повод, чтобы облегчить участь наших людей в империи. Может, возжечь в новом кагане урусов из Куявы Ингаре желание повторить подвиг его дядьки Хельга и ещё раз основательно пограбить Империю? — задумчиво спросил бек, попивая из голубой китайской пиалы горячий душистый чай и откусывая то кусочки нежного щербета с орехами, то лакомья сушёными фруктами. — Пусть урусы и воины Империи хорошо «покрошат» друг друга, и тогда ослабнут сразу два наших недруга. Даже у волка, если он ранен, шакалы могут отобрать часть добычи, как мыслишь, равви?

— Насчёт «покрошат друг друга» ты прав, хамалех, недавно из Куявы пришла очень любопытная весть, — довольно улыбаясь, проговорил главный раввин, с удовольствием потирая согрешшиеся от тепла жаровень руки. Заметив, как опять заинтересованно блеснули тёмные очи бека, продолжил. — Каган Ингар уже загорелся походом, только не на Кустандий, а на других наших торговых соперников — Джурджан, Хорезм и города, подчинённые Халифату.

— Откуда это известно? — рука бека в перстнях с большими камнями остановилась, не донеся до уст большой, почти чёрный финик.

— Это верные сведения, мудрейший. Наш рахдонит Мойша Киевский через своих людей передал, что каган урусов ищет возможности договориться с нами о проходе его воинов мимо Итиля за часть добычи, — отвечал главный раввин, шумно прихлёбывая «огонь жизни», как называют сей дивный напиток китайцы и за который приходится платить

золотом и лучшими лошадьми; но он того стоит, особенно в зимнее время, когда разгоняет кровь по жилам, изнутри так приятно согревает тело и дарует бодрость.

— Вот как... — Бек задумался на кое-то время. — Здесь проход войск урусского кагана напрямую зависит от нас.

— Новый каган урусов воин, как и его предки, а война можно легко поймать на победу, как рыбу на хорошую наживку. Почему бы не доставить ему возможность одержать, как говорят римляне, «викторию» на Гургенском море? — рассудительно молвил первосвященник, с удовольствием отправляя в рот дольку чин-кана, китайского золотого яблока, выдержанного в меду так, что плод стал полупрозрачным и имел восхитительный кисло-сладкий вкус и необычайный аромат.

— Как ты мудр, равви, — округлил очи бек. — В самом деле, пусть урусы побьют, как следует, наших врагов в Шерване и Хорезме. Пусть покрошат мусульман-дейлемитов, которые закрыли для нас путь в Багдад. А мы ничего не можем с этим поделать, потому что большая часть наёмников в нашей гвардии — гургенцы, соседи дейлемитов, не желающие сражаться с единоверцами. От похода урусов нам будет двойная польза: своим набегом они ослабят наших торговых соперников, и тогда больше товаров из Азии потечёт к нам, давая новые доходы в казну, а сверх этого мы ещё и часть добычи получим, — радостно потёр руки бек. — Надо потребовать не менее трети всей добычи! Пусть Мойша Киевский скажет им эти условия.

— Я думаю, мудрейший, не стоит торопиться с условиями, пусть они придут сюда, уже горя предчувствием победы и богатой добычи, а тогда мы и решим, сколько с них взять, — неторопливо молвил главный раввин, оглаживая свою редкую, но весьма ухоженную бороду и глядя, как молчаливый молодой слуга наполняет его пиалу новой порцией ароматного чая.

— Что ж, равви, пусть будет так. Передай наше решение Мойше, когда его люди станут хлопотать об этом деле, и пусть Всевышний поддержит нас. — Аарон, отправив пухлыми пальцами в рот кусочек вяленой бухарской дыни, поднял очи

к небу, а Первосвященник огладил жёлтыми перстами свою жидкую бороду и забормотал благодарственную молитву.

Глава третья

Новгородская дружина

Лета 6421 (913), г. Киев

Отшумели святки Великого Яра. Опустела недавно столь шумная и праздничная Перунова гора. Только два неразлучных содруга — волхвы Могун и Велесдар, отдавшие много сил тому, чтобы праздник был для люда киевского не просто весельем, но и наполнен силой и смыслом, устало расположились на уложенных тут и там по склону горы стёсанных сверху колодах, весьма удобных для сидения и раздумий у священного места.

— Ну вот, закончились Ярилины святки, теперь большая часть кудесников киевских потянутся в леса на свои заимки, а нам с тобой, брат Велесдар, остаётся служение волховское в Киеве нести, — задумчиво молвил Могун, глядя в кострище неугасимого пламени. Его сотоварищ по волховской стезе молчал, размышляя о чём-то. Потом заговорил, и в его голосе чуткий собеседник уловил некую виноватость.

— Прости, брат, только и я в это лето решил податься из Киева, у леса и неба мудрости попросить, что-то тут в суете подрастерял я её, да и людям не только в Киеве волховской совет да лечёба нужны. Поставлю шалаш, мне на лето другого жилища и не надо, а по осени возвернусь. Прости, что на рамена твои всю тяжесть взваливаю, только надо мне наедине с богами побыть...

Могун перевёл взор на собрата и легко прочёл в его очах истинную причину, отчего решил уйти на лето из Киева Велесдар.

— Что ж, надо, так надо. А за рамена мои не переживай, — повёл широкими плечами Верховный кудесник, — выдюжат.

В свои четыре с половиной десятка лет Могун по-прежнему обладал не только могучей статью и налитыми многолетними занятиями мышцами, но ещё и замечательным умением управлять ими, соединяя волю, тело и мысль в единое целое. Тому обучил его ещё волхв Хорыга, учитель и наставник, которого нагло убили нурманы Аскольда, захватившего в своё время власть в Киеве.

— Когда уходишь, и где решил обосноваться? — спросил Могун.

— После Семикова дня, когда Семиярилу проводим. Мыслю в это лето далеко не ходить, а поискать пристанище в Берестянской пуще, — и глухомань знатная, и от Киева не так далеко, вдруг мне или тебе помощь какая понадобится, — и Велесдар поглядел на сотоварища с некой затаённой грустью.

Высокий сухощавый ободрит шёл по дороге, что вилась по краю обширного поля мимо Берестянской пущи. Омывшись чистой водой из холодного ключа, он шагал бодро и размашисто, прислушиваясь к щебету птах, воспевающих только что взошедшее солнце. Посох с дивно изогнутой рукоятью-корневищем, напоминающим голову быка, мерно отсчитывал шаги, лёгкий Стрибог приносил полевые запахи вперемешку с лесными, а верхушки деревьев о чём-то перешёптывались с ветром и промеж собой. Птичьи пересвисты, шелест листвы, мягкие переливы речушек и ручейков, кажется, воспринимали уже не просто очи, уши и кожа — все эти звуки, дуновения, запахи теперь беспрепятственно проходили сквозь волхва, настраивая его, как музыкальный инструмент, на этот общий вселенский лад. Неприятные помыслы и связанные с ними зажимы растворялись и уходили из тела, и оно, очищаясь, становилось, как молодая лоза, гибким и чутким к окружающему миру.

«А ведь уже тридцать лет минуло, как живу я на Киевской земле, ставшей не менее родной, чем земля моей Вагрии, где я родился и проходил обучение у самого волхва Ведамира. У него же познавал волховскую науку и князь Рарог с братьями. Давно нет их на свете, а два лета тому и Олег Вещий к ним

в навь отправился. Ушло столько лет и жизнью, а я в свои пятьдесят пять, слава богам, чую себя здоровым и крепким, и родины не забыл, и этой землёй Киевской налюбоваться не могу», — вдохнув полной грудью живительный дух поля и леса, проговорил сам себе волхв.

В заплечном мешке из прочной парусины, кроме нехитрых съестных припасов, находилась пила в берестяном чехле, а за пояс был заткнут небольшой топор.

«Мне нужно место, где эту музыку Миростроя можно слышать особенно ясно, чтобы, сверяясь с нею, очищаться самому и нести чистоту и здоровье нуждающимся в помощи людям!» — не то произнёс вслух, не то просто подумал волхв. Ноги будто сами собой замедлили шаг, а затем вдруг свернули в лес. Велесдар не противился, он разумел, что сам дал задание телу, и оно, воспринимая зраком, слухом и внутренним ощущением неисчислимые знаки, сейчас движется по этим приметам. Любые посторонние мысли могли сбить тонкий настрой поиска нужного, а это сейчас было главным, а не вопрос о возможной ночёвке или встрече с диким зверем.

Волхв шёл по едва заметным звериным тропам, спускался в сырые низины, выходил на светлые лесные поляны. Наконец, он остановился и, осмотревшись, узрел, что стоит на лесном взгорбке, окружённом густым древним лесом. Огромные ели, будто суровые воины, высились поодаль нестройным колом и глядели на нежданного пришельца. На одной из вершин хрипло прокаркал ворон. Велесдар взглянул вниз, на себя, стоящего на взгорбке, очами ворона, а потом огляделся вокруг зорким оком чёрной птицы.

Невдалеке блеснуло лесное озерцо, а вон там, внизу, совсем близко отсюда, чистая ключевая криница. За ней тянулась лощинка с щедрыми зарослями разнотравья и терновника, а с противоположной солнечной стороны начинался смешанный лес. Всё тут излучало древнюю силу земли, воды и неба, неспешно струящуюся от родников, могучих деревьев, целебных трав, густых кустарников и живущих своей жизнью лесных обитателей.

— Добрые, не тронутые человеком места, и водица рядом ключевая, и озерцо лесное, лучшее место для мовницы.

И взгорбок для встречи Солнца и разговора с Богами, — всё будто нарочно подготовлено, — проговорил сам себе довольный волхв, оглядевшись вокруг уже своими, а не птичьими очами.

Засыпая на мягкой и душистой постели из травы и еловых лап, он решил, что надобно послушать небо и землю, что они скажут, да попросить у лесных и озёрных жителей позволения поселиться здесь, ведь если не будет с Лесовиками да Водяными согласия и доброго лада, то и жизни спокойной не жди. Оттого ближайшую седмицу, а может и две надобно посвятить знакомству с окрестьями, поглядеть, с какой стороны ближе к жилью людскому, где лучше на дорогу ездящую выйти. Со зверями да птицами, живущими по соседству, дружбу завести, обозреть, где их тропы хоженные и логовища, чтобы ненароком не потревожить без нужды. «А то, что ж ты за гость, ежели, хозяевам жить мешаешь», — рассуждал, уносясь в волшебную страну снов, волхв Велесдар.

Множество народу высыпало на пристань Почайны, чтобы встретить Новгородскую дружину. Неспешно, одна за другой, причаливали добротнo просмолённые северные лодки к деревянной пристани града Киева. Было их немного, числом около полутора десятков.

— Узнаю строгую руку Свентовидова воина, — восторженно молвил князь Игорь, наблюдая, как идут новгородцы, — расстояние меж лодьями, что стежки у лучшего кравца, одинаковые. — Князь крепкой дланью огладил свой бритый по варяжскому обычаю подбородок, что выказывало его явное довольство увиденным.

— А причаливают-то как ладно, ни тебе единого лишнего движения вёсел, ни криков, ни суеты! — Одобрительно вторил ему рыжебородый воевода Фарлаф, в котором ровный строй боевых лодий возбуждал древнюю родовую память викинга.

Только Огнеяр, начальник княжеской охороны, молчал, и за намеренно серьёзным, даже хмурым видом старался скрыть волнение. Сей молодой муж был красен станом и пригож ликом. Ему очень шла добрая византийская бро-

ня, из-под варяжского шлема выбивались золотистые кудри. Черты гладко выбритого лица были правильны, словно выточены добрым резчиком, нос прямой, очи небесно-голубые. Муж то и дело бросал придиричivé взгляды на своих подопечных и одновременно внимательно следил за приближающимися к пристани лодьями. Беспокойство его усилилось, когда на деревянный настил стали сходить люди. А когда на пристань шагнул седовласый могучий воин в начищенных до блеска доспехах, в белом плаще на широких плечах и с большим копьём в богатырской деснице, сердце юноши особо гулко забилося в груди. Он, уже почти не отрываясь, глядел, как остальные воины выстраивались в ряд одесную от седовласого богатыря. Подошёл черёд второй, третьей, четвёртой лодьи...

Наконец, все суда были притянуты прочными концами к причалам, воины замерли в ровных рядах, и седовласый мощным громовым гласом рыкнул:

— Князю Руси Киевской и Новгородской, Игорю свет Рарожичу...

На несколько мгновений наступила тишь, а потом окрестья вздрогнули от мощного троекратного возгласа:

— Слава! Слава! Слава!

Кияне с нескрываемым интересом глядели на сие действие с прибрежных холмов и пригорков.

— Да ведь это сам воевода Руяр! — восторженно передавали они весть друг другу. — Наш именитый богатырь с Руяна, верный соратник Олега Вещего. Гляди, крепок ещё Свентовидов воин! Знать, не зря в Киев пришёл с новгородцами!

Казалось, годы протекали мимо сего воина, служившего в молодые годы одним из трёхсот рыкарей в храме Свентовида на священном острове Руян. По ранению от службы освобождён был и пришёл в Новгородскую дружину. Там ему и дали имя Руянец Ярый, то есть Руяр. Высокослый, крепкого сложения, налитый силой, как могучий зверь, с пронзительным взглядом синих, как Варяжское море, очей. Сей взор не всякий опытный поединщик мог выдержать.

Воевода Руяр, передав своё копьё и щит высокорослому воину, что стоял от него одесную, направился к стоящим поодаль киевским военачальникам во главе с князем.

— Здрав будь, княже светлый! Принимай дружину свою Новгородскую, прибывшую для участия в походе, — проговорил негромко могучий воевода, слегка склонив седую голову и приложив десницу к левой стороне богатырской груди.

Игорь, явно растроганный слаженной силой и воинской выправкой северных воинов, шагнул к богатырю и обнял его. Следом с Руяром обнялись Воля и Фарлаф. Наконец очередь дошла и до Огнеяра, возглавлявшего ныне личную охранную сотню князя Игоря.

— Здравствуй, сыне, — тихо прогудел седовласый воевода, обнимая своего вконец разволновавшегося пасынка, широкоплечего и статного, как его отец Божедар, и гибкого, как мать Дивоока. Объятия их задержались чуть дольше. Только после этого сотник, опомнившись, оглянулся на князя. Тот, улыбаясь, одобрительно кивнул. И Огнеяр громко повелел чуть дрогнувшим голосом:

— Воеводе Новгородскому и славной дружине его с прибытием на землю Киевскую... Слава!

— Слава, слава, слава! — прогремела в ответ княжеская сотня.

— Как было уговорено, княже, со мной малая часть дружины, остальная под рукой Крапивника в урочный час будет ожидать нас у Переволока, — молвил богатырь, и князь согласен кивнул.

Военачальники собрались в просторной княжеской гриднице, чтобы за добрым ужином порешать все дела по предстоящему походу в море Хвалиское.

— А скажи, воевода, — обратился негромко на свейском к Фарлафу молодой сотник Новгородской дружины Рудкар, что, судя по огненно-рыжему цвету волос, было его родовым именем, — кто сей воин, сидящий по десную руку от нашего Духа Вотана, я слышал, как воевода называл этого молодца сыном?

— Это и есть его сын, только не единокровный, — так же негромко на языке нурман стал рассказывать Фарлаф любопытному сотнику. — Вскоре после того, как мы пришли в Киев, византийцы с папскими людьми задумали убить князя Олега Вещего, но отец Огнеяра, эллин Божедар, который служил в княжеской сотне под началом Руяра, в одиночку схватился с убийцами и большую часть их уничтожил. Хоть и сам погиб в той неравной схватке, но покушение на Ольга Вещего отвратил. Тогда и дал сотник князю слово, что будет заботиться о семье своего погибшего воина. Вот оттого, когда родился Огнеяр, а родился он уже после гибели Божедара, и стал Руяр его отцом-восприемником, а потом и воинским наставником. А отчего вы его Духом Вотана зовёте? — любопытствовал Фарлаф.

— Оттого, воевода, что и ростом он богатырь, силён и крепок, как Иггдрассиль священный, и копьём владеет, как сам Великий Вотан. А ещё более могуч духом своим, говорят, бывали случаи, когда он опытных бойцов одним взглядом оставивал, и те не могли двинуться, будто к земле прирастали. Он Свентовидов воин, а по-нашему Дух Вотана, — с величайшим уважением и гордостью молвил Фарлафу рыжеволосый собрат из племени свеев.

Воины меж тем обсуждали предстоящий поход.

— Мы, княже, — с расстановкой молвил Руяр, — разделились так, чтобы те, кто пошли Ра-рекой, больше людей взяли, а мы с собой только гребцов. Теперь можем воев Киевской дружины в наши лодьи посадить.

— Добре, нам ведь надобно все пять сотен лодий в Корчеве воями снабдить, а ваши люди в морском деле сведущи, и по Варяжскому морю, и по Белому, а кое-кто и в Срединное хаживал, — молвил князь. — Выйдем сразу после Купалы, а к Перунову дню мы должны встретиться на Итильском Переволоке. Поспеет Крапивник-то?

— Думаю, княже, он даже раньше прибудет. Ему сподручнее через озеро Нево по Свири, а там как захочет: то ли через Оять на Суду, а уж оттуда по Шексне напрямиком в Ра-реку; то ли через Онегу пойдёт, а оттуда по Вытегре и через переволок в Ковжу, что напрямиком в Белозеро впадает. А с Белозе-

ра Шексна и понесёт лодьи напрямиком в Ра-реку священную, только правь да за мелями гляди, а та уже доставит на своей длани до самого Итиля, что мать дитяток к колыбели. Купцы наши обычно до Итиля за три седмицы спокойно доходят.

— А нам, главное, пороги одолеть да в Корчеве быстро управиться, — размышлял Игорь. — Я уже послал своих людей, чтоб всё заранее подготовили. Придём, пересядем на морские насады — и, айда к Итилю! Хазары согласны пропустить нас за часть добычи, там уже всё договорено. И поплывём в море Хвалиское! А богатства, сказывают, там превеликие имеются, да и отроки из Руси через хазар туда немалым числом попадают, знать, заслужили покупатели отмищения праведного! — сын Рюрика весь горел предвкушением доброго воинского похода.

— Как я рад, отец, тебя видеть, думал, ты на покой ушёл, а ты вон воеводой стал! — радостно молвил своему наставнику Огнеяр.

— Того, сыне, я и сам не ожидал. Вместо воеводы Дана, что в Волхове утонул, поставил князь Олег Вещий темника Гудима, которого после похода на Царьград, когда он полотнища из древесной шерсти за крапивную материю принял, стали называть Крапивником. Так вот, — погрузился в воспоминания Руяр, — когда мы в землю северскую шли, всю дорогу из Киева был князь задумчив. А поглядел на дружину Новгородскую, вдруг и речёт, что, мол, нет у неё той выучки и строгости воинской, как в моей княжеской сотне. «А возмись-ка ты, брат Руяр, да наведи ряд добрый, а Гудим Крапивник будет тебе надёжной опорой и первым помощником». Сказано было сие при дружине и всех её темниках да тысяцких, что для смотра княжеского в Ратном стане выстроены были. Так и стал я Новгородским воеводой. А теперь поспешил по зову князя Игоря снаряжать лодьи к дальнему походу. Коль понадобилась Новгородская дружина сыну Рарога, то крепче и надёжней опоры ему не найти! С охотой собираются варяги и словенцы в море Хвалиское, потому как воинственному народу крепко поднадоело относительное спокойствие мирной жизни. — Седой богатырь глядел

пронзительными голубыми очами, в которых, как на волнах в солнечный день, плясали задорные блики.

— А что с князем Ольгом Вещим стало, как он умер? — вмешался в разговор киевский воевода Олег-младший, сидевший напротив. Богатырь помедлил.

— После того, как мы пришли в Новгород, я занялся дружиной, а князь с охороной малой отправился в родное Приладожье. А потом вернулись охоронцы и поведали, что загинул наш князь от укуса змеи чёрной, и то подтвердила сестра князя, с ними приехавшая. Вот и весь сказ...

Поглядел Олег на Руяра и понял, что могучий воин храма Свентовида, как никто иной, крепко тайны хранить умеет, особенно те, которые поклялся не открывать никому. Оттого не стал более заводить разговоры о гибели отца. А богатырь молвил дальше о предстоящем походе и о том, какие задачи теперь стоят перед княжеской сотней во главе с Огнеяр.

— Ты, сыне, крепкую связь держи с изведывателями княжескими, они по-своему дело делают, а ты по-своему, оттого вы должны, как две руки доброго бойца, согласовано трудиться, — советовал Руяр.

— Из всех изведывателей, пожалуй, только Гроза остался, он и возглавляет нынче изведывательскую сотню, а более никого, — вполголоса ответил Огнеяр. А потом добавил: — Только и он не в Киеве. Как отправил его князь Ольг в Таврику, когда собирался лодьи морские строить, так он там со своей сотней и находится, селение лодейщиков под Корчевом от хазар да греков бережёт.

Свентовидов воин глянул на сына и только крякнул огорчённо.

— Тогда с грозой будь в согласии, ибо то, что знают изведыватели, всегда пригождается, — молвил Новгородский воевода.

— А как не возьмёт его в поход князь? — засомневался Огнеяр.

— Возьмёт, — отозвался воевода Олег, — то уж я решить постараюсь.

— Коли не сладится, я его в свою Новгородскую дружину возьму, — решительно молвил Руяр, и в очах старого воина снова сверкнули задорные искорки.

— Сдвинем чары за нашего неустрашимого Духа Вотана! — послышалось с другого конца стола, где сидели варяжско-нурманские военачальники. Молодой рыжебородый поднялся и, глядя восторженными очами на Руяра, воздел серебряную чару с хмельным мёдом. Его радостно поддержали, застолье оживилось.

— А, правда, отец, что ты одним взором можешь человека обездвигить, так что он клинка поднять не в силах, коли ты на него особым взглядом зришь? — восхищённо спросил Огнеяр.

— Ну, как тебе сказать, сыне... Коли ты в себе силу Прави истинной чувствуешь, то бывает, сила эта волей Свентовида такие чудеса творит, что и самому не верится, — тихо отвечал могучий воевода, а в его синих очах сиял тёплый и радостный свет от того, что он, наконец, снова зрит рядом родного человека и близких друзей. Ведь кому, как ни бывалому воину, одному из трёхсот прославленных рыкарей храма Свентовида на Руяне, ведать, насколько прочнее бывают духовные связи, нежели кровные!

— Что, Олег, не рад походу? — вперил взор в Старшего князь, когда они остались одни.

— Не рад, брат, не нравится мне сия задумка, и договор с хазарскими жидовинами тоже не нравится, — откровенно ответил Олег.

— Ну, мы тоже не из мякины свалены и не лыком подшиты, не глупее сих жидовинов, — упрямо мотнул головой Игорь.

— Знаешь, вспоминается наш с отцом разговор, который я крепко запомнил, — задумчиво молвил Старший. — Рёк мне тогда отец, что как каждый человек для свойственного ему дела рождён, так и народы разные.

— Ты это к чему? — с подозрительным прищуром глянул на него Младший.

— К тому, что деньги считать, торг вести — это у жидовинов в крови, пусть тем и занимаются. А вот то, что хазарам,

будет ведомо, куда идёт дружина Киевская, мне не нравится. Когда мы на Царьград походом собирались, то делали так, чтоб о том до поры до времени никто и догадаться не мог. К тому ж изведыватели печенегов стоворили на Хазарию набегу в час нашего похода совершать.

— А я кочевников задабривать не собираюсь, их время от времени бить крепко надо, тогда они и будут послушны, а всякие изведывательские уловки моей дружине ни к чему! — ответил, мрачняя, князь. Его, как всегда, уязвило невольное сравнение с прославленным родичем, из тени которого он всё время исподволь стремился вырваться. — Да ведь те же хазарские купцы рекут, что и дядька Ольг их услугами пользовался, и тоже деньги перед походом на Царьград брал для подготовки дружины.

— Может и брал отец у них деньги, — в раздумье отвечал Олег, — только кроме сильной дружины у него волхвы да изведыватели с обозами шли, и сам он чутьё имел против разного рода хитростей. А что сейчас мыслят о предстоящем походе волхвы и мать Ефанда?

Упоминание о мнении волхвов и матери укололо самолюбие Игоря не менее, чем сравнение с дядькой, но он смирил свой гнев и раздражение, помолчал, рассматривая ножны и рукоять своего скрамасакса, будто видел их впервые, а потом молвил сердито, но сдержанно.

— Ну, воля твоя, оставайся, коль так, в Киеве, на случай гостей незваных. — А про себя подумал, что так оно, наверное, и лучше: славу делить на двоих — только раздоры сеять. «Гляди, как Старшой-то обрадовался, виду не подал, да я чую, теперь никто не будет ему мешать на Ольгу пялиться. Пожалуй, предупрежу её строго, чтоб ни-ни».

— Об одном тебя попрошу, брат, — молвил примирительный Олег, — не хочешь брать изведывателей, возьми в поход с собой хоть Грозу, под его началом изведывательская сотня, что у Корчева приглаживает за судами нашими.

— Отчего это ты за него просишь? — спросил Игорь, глядя куда-то в сторону.

— Брата и любимую он ищет, которых хазары похитили, когда ему ещё лет пятнадцать было. Всю жизнь ищет, тем

и живёт, и оттого во все дальние походы просится. Возьми; Гроза хоть и в возрасте, но сотник добрый, к тому же и по-хазарски, и по-гречески разумеет, он ведь из тавро-русов.

— Я что-то такое слышал, — задумчиво проговорил Игорь. Потом покачал головой с некоторым удивлением. — Скажи-ка, уже в возрасте, а суженую и брата до сих пор ищет! — в очах князя мелькнуло нечто незнакомое, но через миг он уже овладел собой. — Ну ладно, коль просишь и поруку за него даёшь, возьму, — молвил он снисходительным тоном, довольный тем, что Старший обращается к нему, как к князю.

Не стала более увещевать сына и Ефанда, мол, делай, как решишь, а за своё решение сам и ответишь. Не понял тогда Игорь значения материнских слов. Власть, обрётённая после смерти дядьки Ольга, не только тяжким грузом давила на плечи, но и хмельным мёдом кружила голову.

— Поход твой на Хвалиское море не одобряю, но и удерживать боле не смею, прошу только, возьми с собой отцовский Болотный меч, он ведь не простой, а заговорный, пусть с тобой всегда будет, как прежде амулет.

— Хорошо, возьму, — хмурясь, ответил Игорь.

После Купалина дня, как шесть лет тому, Киев провожал своих воинов в дальний поход. Снова расцвела Почайна парусами многими, будто синий Сварожий луг цветами. Двинулись вниз по синей Непре лодьи Киевской, Варяжской и Новгородской дружин. Только сегодня во главе их не седой могучий Ольг Вещий, а его племянник Игорь, коего варяги по-своему Ингардом кличут. А воевода Олег на этот раз остаётся в Киеве, ведь нельзя оставлять грады и веси Руси без крепкой охраны и умелых воинов. На душе Олега, глядящего на уходящие воинские лодьи, было как-то неуютно, как утром в стылой горнице при нетопленной печи.

Великий Могун правил службу на Перуновой горе, а Велесдар ещё с Семиярилина дня ушёл в Берестянскую пушу, дабы там, в уединении творить молитвы русским богам да лечить окрестный люд огнищанский.

Глава четвертая

Переволок

Гроза любил море. Особенно нравилось ему в утренний или предвечерний час в тихую погоду, сидя на берегу, слушать его живой шёпот в нескольких шагах. Свежее дыханье Стрибога приносит запахи рыбы, морских водорослей и ещё много чего, каким-то образом созвучного человеческой душе. Мерные, как само время, волны задумчиво шуршат перекачиваемой ими галькой. Вот уже, кажется, не море шуршит галькой, а сама вечность пересчитывает время. Мысли становятся лёгкими и начинают скользить по волнам, подобно резвой игре дельфинов, — удивительных существ, которые, погружаясь и выныривая в согласии друг с дружкой, уносятся всё дальше от берега.

Море — одна из немногих радостей, что остались в его жизни. Да ещё друзья-товарищи, с которыми он, Гроза, несёт службу по охране морских лодий князя Олега Вещего. Вон они, все в целости и сохранности, дремлют в тихом заливе. Два лета уже так стоят, не поднимая ветрил и не оглашаясь воинским кличем. Сколько ещё ждать, — и лодьям, и ему, Грозе? Может, о них забыли и не позовут уже никогда? Олег Вещий не успел использовать флот, а вдруг князю Игорю он и не нужен? «Похоже, Гроза, ты уже навсегда причалил к своей пристани. Кто тебя позовёт, и куда, шестой десяток уже, седой весь. Хорошо, хоть на родном берегу опять оказался. Только от этого не исчезла пустота из души».

Звук волн завораживает и убаюкивает. Взглянув в сторону пристани, где горели костры, на которых готовилась еда, и дозорные переговаривались с лодейщиками, Гроза, зевнув, прилёг на тёплую сухую траву, привычно подложив правую руку под голову.

— Сотник, вставай, — спустя время тронул кто-то его за плечо, — тут народ из Киева пожаловал...

— Какой ещё народ, зачем пожаловал? — садясь на своём жёстком ложе и растирая сонный лик, хрипловатым спросонья голосом спросил Гроза.

— Рекут, что князь Игорь лодки к походу готовить велел, во как! — проговорил круглолицый десятник Смурной.

Сон вмиг слетел с сотника. «Неужто, свершилось, и князь Игорь решил взять под свою руку не только клочок берега под Корчевом, но и всю Таврику?!»

Перед очами вновь ожила картина, как почти семь лет тому назад он вместе с тайными воинами Олега Вещего прибыл в Киев и встретился с самим князем в изведывательском доме на краю Ратного Стана.

— Спрашивай, — кивнул могучий князь, почувствовав на себе пристальный взгляд Грозы.

— Знать хочу, княже, пойдёшь ли ты дружиной своей в Таврику? Вопросаю, потому что, считай, уже третью сотню лет мы ждём подмоги, самим с греками, хазарами и прочими ворогами не справиться.

— Его суженую и брата хазары в полон взяли и за море продали, — тихо шепнул Ольгу Молчун.

— Что до сих пор не пришли на помощь братьям тавро-русам, то не наша вина, сама Северная Словения от врагов многих защищаться была вынуждена. От нурман и саксов, франков и тех же хазар, — неторопливо молвил князь. — А чтоб единение наших земель приблизить, хазар да византийцев укоротить, надобно, брат Гроза, трудиться, себя не жалея, во благо дела общего. Готов ли ты, сможешь?

— Готов, княже, я жалость к себе давно забыл. Одного хочу, чтоб Таврика опять русской и вольной стала.

— Что ж, мысли благие, душа чистая. Много горя испившая, да не сломленная. Знать, быть тебе, Гроза, изведывателем и служить делу Руси Великой! — веско заключил Ольг. Потом добавил. — После застолья идите в княжескую оружейную и велите от моего имени подобрать новому изведывателю добрую зброю, чтоб и в руке укладиста была, и в вашей службе тайной удобна.

— Да и пастушью одёжку сменить надобно, только старую не выкидывать, она для «прогулок» по ворожьей земле

очень согдится, — добавил обстоятельный старший изведыватель Мишата.

«Может и в самом деле близка к исполнению мечта тиверцев, и князь Руси Игорь, продолжая дело отца своего Рарога и дядьки Ольга Вещего, освободит от чужеземного гнёта родную Таврику. А коли так, то, перво-наперво, нужно выяснить, какими силами могут встретить русскую дружину хазары и греки. Где там моя пастушья сума да одёжина?»

Седой пастух с синими, ничего не выражающими очами, ловко управляясь с небольшим стадом, перегонял его вдоль берега. Он только изредка покрикивал для порядка то на животных, то на худощавого загорелого помощника с бритой головой, одетого ещё хуже самого пастуха. Стадо направлялось в Коршу, как именовали Корчев хазары, что на их языке означало «торговля».

— Видал, брат Хорь, не так много времени прошло, как Варяжская дружина разогнала хазарские посты да отряды в этой части Таврики, а они опять все по местам своим возвратились, — мрачно молвил пастух своему бритоголовому помощнику, когда они прошли очередной хазарский пост.

После Царьградского похода Хорь отвёз своего раненого наставника Береста домой. Тот вскоре поправился, а там решил и род свой продолжить, женился. Хорь почувал себя как бы лишним в его доме и подался в Киев к изведывателям, а оттуда уже по велению князя Олега Вещего они отправились в Таврику готовить место для постройки морских лодий. Тех самых, что, как зеницу ока, теперь они с Грозой стерегли два лета, пока, наконец, дождались гостей из Киева.

— Хазары не решились тронуть ни поселения наши, ни корабли, хоть воев тут не более двух сотен осталось, оттого что помнят дружину Олегову, опасаются, что наши могут в любой час вернуться, — отвечал «подпасок».

— Да уж, как подойдёт дружина киевская, я погляжу, сколько страху будет у хазар да греков, как задрожат их торговые души, — сжав зубы, промолвил «пастух».

Прибывшие из Киева лодейные мастера принялись споро проверять да ладить корабли для похода, не говоря, для

какого именно; трудились с раннего утра и до позднего вечера, подсмаливали бока, проверяли паруса и оснастку. Первые сомнения поселились в душе Грозы, когда он увидел, что мастера принялись ладить рамы и колёса для лодий. «Зачем в Таврике колёса для лодий? Князь Игорь хочет забрать лодьи в Киев? Или опять Царьградский поход замышляет?»

На расспросы Грозы мастера только хитро усмехались.

Когда небольшие суда подошедшей Киевской дружины заплясали на свежей морской волне перед Корчевом, в самом деле, беспокойство обуяло жителей, а более всего хазарских воинов на их заставах и постах по обеим сторонам Боспора Киммерийского. Но вскоре все успокоились: русы вели себя хоть и шумно, но вполне миролюбиво. Было видно, что они спешили, пересаживаясь с малых судёнышек на пятьсот больших морских лодий, построенных Олегом Вещим для нового похода на Царьград. Однако тогда хватило и устрашения, — греки подписали мирный договор, а лодьи так и остались в Корчеве.

Теперь они послужат в другом море, в Хвалисском! Князь Игорь идёт в поход на берега Азии! А колёса понадобятся для большого переволока судов из Дона синего в Ра-реку великую.

Узнав об этом, сотник Гроза сник, в душе потух огонёк надежды на скорое вызволение родной Таврики от ненавистных хазар и византийцев. Стержень надежды ослаб и изогнулся, подобно стеблю в знойной пустыне, лишённому живительной влаги.

Сотник сидел на прибрежном камне, бесстрастно наблюдая, как суетятся воины и лодейщики на берегу. Но вот от них отделился один, богатырской стати, и направился в его сторону. Гроза поднялся, он узнал воеводу Руяра.

— Ну, что, брат Гроза, поднадоела спокойная жизнь на берегу морском, небось, как старая лодья, ракушками обрастать стал? — Сверкнув задорно очами, молвил Свентовидов воин, который, как и большинство варягов, ожил в предчувствии настоящих сражений и, кажется, скинул не менее десятка лет. — Готовься, твоя изведывательская сотня будет сопровождать дружину! — сразу огорошил Руяр. Оглядел-

ся и, уверившись, что никого поблизости нет, негромко добавил: — Воевода Олег передаёт тебе повеление заботиться о безопасности князя Ингарда в походе. Обо всём сообщай немедленно Огнеяру, в согласии с ним будь, как прежде Мишата со мной, когда я состоял сотником личной охраны князя Ольга Вещего.

— А князь Игорь, он...

— У князя и так забот хватает, с Огнеяром всё решай, — негромко, но убеждённо молвил новгородский воевода. От поселения к ним торопился воин. — Ну, доброго тебе моря, сотник, — молвил Руяр и зашагал большими уверенными шагами навстречу посланнику. Гроза постоял ещё немного и последовал вслед за Хорем, загорелый череп которого уже почти затерялся в волнах. Кто знает, когда ещё удастся так беззаботно побыть наедине с морем...

Солёная вода приятно охватила перегретое за знойный день тело, сделала его невесомым, смывая дорожную пыль, овечий запах и скопившуюся за день усталость. Отплыв на полсотни сажений, он перевернулся на спину, раскинул блаженно руки и ноги и, расслабив мышцы, отдался на волю убаюкивающих волн, которые то легко вздымали тело на свои округлые вершины, то мягко опускали в уютную водную «колыбель». Гроза прикрыл веки и, кажется, задремал на какое-то время, незаметно растворившись в бесконечном мерном колебании моря, пока из-под очередной волны живым поплавком не вынырнула голова десятника, с шумом выдохнув воздух.

— Хорь, разбудил, леший! — вырвавшись из объятий морской дрёмы, встрепенулся сотник. — Давай, брат, потопимся, сотню к походу готовить велено! — молвил он десятнику. Перевернулся на живот и сильными гребками устремился к берегу.

Великая ответственность, как боевая кольчуга, привычно легла на плечи и вернула Грозе уверенность, ясность разума и особенную изведывательскую выверенность движений.

Погрузилось на каждое судно едва по полсотни воев, — больше людей не было, да и для добычи следовало оставить

место, а что добыча будет щедрой, в том никто не сомневался. Очень уж красноречиво описал арабские богатства Мойша Киевский. Миновав Киммерийский Боспор, флот русов двинулся через Сурожское море, называемое у греков Меотидой, вошёл в устье Дона и, умело играя парусами, стал подниматься вверх по течению.

Когда достигли Переволока и стали причаливать к левому берегу у хазарской крепости Саркел, к Игорю поспешил воевода Фарлаф.

— Хазары денег за проход в Ра-реку требуют, — доложил он, — не боятся, что мы им накостыляем?

— Купцам барыш важнее жизни, а сии хазарские посты всегда более торговлей заняты были, нежели воинским делом, как о том мне поведал человек сведущий, — молвил Руяр, бросив мимолётный взгляд на сотника Грозу.

— Ведают, подлые, что нам через Итиль идти, а оттого бить их сейчас никак нельзя! — с досадой молвил князь. — Что ж, Фарлаф, поговори с ними, сколько хотят.

— Эх, княже, — в сердцах молвил воевода, едва взобравшись обратно на борт княжеской лоды, — упёрлись, что твои бараны. Удалось только немного скостить плату от первоначальной, но заплатить всё ж придётся!

— Ничего, не так велика плата за проход без товара, — узнав, о каких деньгах идёт речь, молвил князь, — мы своё возьмём на берегах моря Хвалисского.

Вои водружали свои большие лоды на заготовленные рамы и колёса и, налегая на канаты, почти семь десятков вёрст тащили в Ра-реку. А малые толкали, подкладывая деревянные кругляки. Хазары издали следили за русами, но никакой помехи не чинили. Широкая гладь великой реки, соединяющей многие племена и народы, приняла лоды киян, а с берега им принялись призывно махать.

— Наши, гляди, Дух Вотана, наши уже тут! — Хрипло воскликнул рыжебородый новгородский сотник, обращаясь к могучему воеводе.

И в самом деле, вскоре киевские дружинники и шедшие с ними новгородцы во главе с Руяром попали в радостные объятия собратьев.

— Да мы уже скоро седмицу как стоим, бока отращиваем на жирной рыбе, которой тут не менее, чем у нас на полуночи, — рёк Гудим-Крапивник.

— Братья, воины Руси Варяжской, Новгородской, Киевской! — обратился к своим дружинникам Игорь, когда все собрались на берегу. — Сегодня мы идём вызволять своих полонённых братьев, которые стонут во вражьем рабстве, пусть же те, кто их истязает и унижает, испробуют наших клинков и сами окажутся в оковах невольничьих! Почти все товары, которыми славится Хорезм, Халифат и все города побережья моря Хвалисского, сделаны руками наших жён и мужей. Оскоплённые славянские дети и прекрасные наши жёны заполняют их гаремы. Пришло время за всё посчитаться. Что принесём мы убийцам наших детей и жён, тем, кто держит в неволе и калечит наших мужей? — горячо рёк князь Игорь своей дружине.

— Смерть! Мы принесём им смерть! — Дружно почти в двадцать тысяч глоток вскричали возбуждённые горячей речью князя воины.

После доброй и сытной вечери из юшки выловленного новгородцами двухсаженного осётра, воины разбрелись, — кто готовился ко сну, кто рассказывал землякам про то, как шли через пороги Непры, кто, наоборот, как добирались до Шексны. А воеводы во главе с князем устроили совет, решая порядок движения лодий к Итилю.

Рано утром флот русов, воздав славу Хорсу и призвав на помощь Одина и Перуна со Стрибогом, двинулся к стольному граду Хазарии.

Столица Каганата, раскинувшаяся на двух берегах реки Итиль, вернее, на берегах двух рукавов Великой реки, один из которых был собственно Итиль, или Атиль, а второй именовался Ахтуба, в переводе с тюркского «ак-тюбе» означало «Белые холмы». Западная часть на правом берегу Итили носила прозвище Ханкалык — Ханский город, а восточная на левом берегу Ахтубы именовалась Сарашен — Жёлтый город, в ко-

тором обитали купцы, ремесленники, рыбаки, люди разных верований — мусульмане, христиане, иудеи и язычники. В то время как Ханкалык занимала иудейская верхушка Хазарии, и только хорезмийские стражники — лариссии, которые выговорили себе условие, служа Кагану и Беку, оставаться мусульманами, были единственными иноверцами Ханского города. Поэтому кроме самой высокой постройки — иудейской синагоги, здесь стояла мечеть для тех же лариссиев. Оба здания были каменными. Также каменная хорошо укреплённая стена окружала эту часть города, защищая её со стороны степи.

Между двумя рукавами посреди устья Великой реки находился остров размером три на три фарсаха в восточном измерении. Здесь, за стенами крепости, стояли два великолепных дворца из обожжённого красного кирпича, сложенного на белом известковом растворе, среди которых Камлык — дом Кагана, и рядом подобный ему дворец Бека. Красные кирпичные стены из ровного обожжённого кирпича размером локоть на локоть и шириной в ладонь с белыми прожилками известкового раствора выглядели особенно красиво, а чтобы никто не вздумал соперничать с величием дворцов Кагана и Бека, всем прочим горожанам было запрещено строить дома из обожжённого кирпича.

Итиль встретил русов настороженной тишиной по берегам. Река от Каганского острова до Ханского города была перегорожена мостом из различных плотов и лодок. На стенах крепостей с обеих сторон хмурым частоколом стояли воины в полном боевом снаряжении. Отборные хорезмийцы, отчаянные и неустрашимые, потому как при поступлении в лариссии давали клятву не отступать никогда. В противном случае воин терял не только высокое жалование, но и свою голову.

Чужестранцам к острову Кагана было запрещено причаливать, поэтому лодья воеводы бросила якорь ближе к правому берегу Итиля. На небольшой лодке воевода Фарлаф и ещё двое темников причалили вначале к правому берегу Ханкалыка, а потом уже пешком и без оружия, по наплавному мостку из лодок и плотов отправились на разговор с Каганом. Не с самим Каганом, конечно, а только с его представителем.

Фарлаф, хорошо изучив хитромудрого Мойшу Киевского, не стал соглашаться на то, что в Итиле его встретит какой-то родственник Мойши и «всё уладит, как надо». Он почти силой впихнул жидовина в свою лодью и повёз с собой в Итиль. Всю дорогу несчастный купец жаловался на то, что он оставил торг, а значит, потерпел большие убытки, сетовал на жуткие неудобства походной жизни и весьма раздражал всех своими причитаниями. Теперь, когда воевода с двумя темниками и измученным долгой дорогой и мыслями об убытках Мойшей, в сопровождении десятка могучих варягов-охоронцев отправились на остров Кагана, Игорю и остальным начальникам киевского воинства оставалось только ждать.

Время шло, солнце уже давно перекаатилось за полдень, а никто не возвращался. Воины-итильцы ни на какие вопросы киян не отвечали. Наконец, показались переговорщики. Жидовина с ними не было. Вид воеводы и темников был суров, вернее не просто суров, а злобен. Русские и нурманские ругательства вперемешку то и дело слетали с уст разгневанного Фарлафа.

— Что стряслось? — помрачнел князь.

— Проклятый Мойша, появится в Киеве, собственными руками задушу, — прорычал воевода, а потом добавил. — Каган требует не четверть, и даже не треть добычи, как обещал сей жидовинский лис, а половину от всего нами добытого! И нужно до вечера сообщить решение, — закончил он вконец раздосадовано, — итильская охрана не разрешает оставаться на ночь, — либо вечером проходим через посты, либо надо возвращаться к Переволоку...

Все, и князь в том числе, на какое-то время приуныли.

— Ладно, не возвращаться же назад с пустыми руками, — молвил, наконец, Игорь, перекрывая злой ропот военачальников, — половина, значит половина. Иди, воевода и реки, что мы согласны.

Через хазарский Итиль проходили сторожко, держа оружие наготове. И снова хазары ничем не выдали своей враждебности, кроме недобрых взглядов, которыми провожали вооружённых русов.

Глава пятая

Шерван

Гроза глядел то на предвечернюю воду, то поглядывал на идущие следом лодии, особенно на те небольшие, в которых плыли его изведыватели. Воды великой Ра-реки уже смешались с солёными водами Хвалисского моря. Позади остался хазарский Итиль и напряжение, которое испытали воины игоревой дружины, проходя через сей град, но всё обошлось, хотя теперь они по возвращении должны отдать Кагану половину добычи.

Сотник изведывательской сотни, приданной в личное распоряжение князя, глядел на воду и старался разобраться в неясных сомнениях и тревогах, что помимо воли роились в его голове. Вода журчит за кормой, и мысли так же смешиваются и текут, подобно морским струям.

Даже не заметил, как пролетели последние семь лет с тех пор, как он нежданно-негаданно для себя стал изведывателем князя Ольга. Пережил трудные и опасные походы, где тело, мысль и душа свиваются воедино, как тетива лука, и так же звенят от напряжения в час опасности. Пожалуй, это были лучшие годы. Жизнь после потери любимых людей — суженой Звениславы и брата Калинки, ставшая похожей больше на существование, вдруг превратилась в осмысленную и трудную борьбу за родную Таврику и за единую Великую Русь. Он крепко сдружился со многими отчаянными и такими же не ведающими иной цели соратниками. Знойное лето сменялось студёной зимой, а цветущая весна осенними дождями и распутицей, пролетая в заботах тайных воинов, как короткие дни.

Всё изменилось после ухода князя Ольга Вещего. Игорь не очень жалует Тайную службу, изведывателей ни разу к себе не призвал. Они какое-то время находились как бы сами по себе, пока их не взял под свою руку воевода Олег-младший. Но князь Игорь тем был явно недоволен, может, опасался,

что Олег станет слишком силён? Да и варяги с нурманами, которые при князе Игоре стали иметь большое влияние, рекли князю, что всё решает добрая битва, а коли языка ворожьего понадобится взять, так они не хуже на то способны, нежели сии непонятно чем занимающиеся бездельники, что зовутся изведывателями. В конце концов, служба была распущена, якобы за ненадобностью, а при воеводе Олеге осталась изведывательская сотня, в обязанности которой входила обычная разведка при движении дружины, обнаружение засад и разъездов противника, а также доставка языка. Огнеяр рёк, что и его, Грозу, Олег-младший отстоял только потому, что в службе Тайной Гроза не так давно, да и всё одно не он, так другой будет во главе дозорной сотни. Ещё из прежних десятник Хорь остался, тот и вовсе не успел в изведывателях князя Олега походить, о нём и разговора не было. От таких изменений недобро было на душе у Грозы.

— Сотник, — вырвал из задумчивости Грозу один из его воинов, — лодьи к берегу повернули, на ночёвку.

— Добре, как выйдем на твердь, сразу дозоры выставить и местность вокруг осмотреть, — распорядился Гроза.

Когда стан уже затих, и только дозорные стерегли его сон на высотках и холмах, Гроза бросил наземь две бараньих шкуры и улёгся на них. Теперь можно до полуночной проверки постов спокойно поспать, на таком ложе ни змея, ни ядовитый паук или скорпион не осмелятся потревожить, это Гроза знал ещё с пастушьих времён. Но сон не шёл, снова не давали заснуть мысли и глубоко затаённая неясная тревога.

Когда он услышал от Руяра про дальний поход, то, как всегда, встрепенулось сердце. Видно, не умерла ещё робкая надежда, что удастся узнать что-то о дорогих ему людях. Сколько раз он их вспоминал и думал: живы ли? И перед всяким дальним походом ярче разгоралась в душе надежда.

Как и полагается у изведывателей, сразу принялся выяснять всё, что мог, о местах, где предстоит побывать, народах, там живущих, их обычаях, еде, одежде. Поговорил с теперь уже бывшими изведывателями, с купцами знакомыми и охоронцами, что в тех краях бывали. Много узнал и многое понял. Сейчас самое время всё это уложить в голове в связную

цепочку, ведь уже завтра будем проходить Семендер, а там Дербент, дальше на полудне Джуржан или Гурген, смотря на каком из местных языков произносить название града. Прибрежный город Гурген более всего знаменит своими коврами. По-армянски «горг» как раз и означает ковёр. Однако название Гургенское море получило от одноименной реки — Гурген, что означает на тюркском «малая вода», оттого что в засушливые годы река высыхает, не доходя до моря.

Итак, Гурен, потом Рей, Казвин. От Гургена купцы по суше достигают Багдада. Дербент, Шерван, подчинены Халифату. Купцы сказывали, что ещё лет двадцать–тридцать тому у русов в Гургене и Рее уже были свои торговые поселения. Остров Абаскун — крупный порт. — Надо всё это сейчас вспомнить, — Гроза прикрыл очи и принялся расслаблять тело, чтобы скорее заснуть. — Завтра будет новый походный день. Добре, что идём освободить своих братьев, давно то сделать надо было. Плохо только, что пока хазар не можем, как следует, взгреть, ведь кто тех людей захватил и в рабство чужестранное продал, как Звениславу с Калинкой? — с этими думами изведыватель заснул коротким, глубоким и одновременно чутким сном.

Когда грозное двадцатитысячное войско русов на больших и малых лодьях с бортами, уставленными боевыми щитами, появлялось возле очередного приморского града, страх охватывал непривычных к такому зрелищу жителей. Вперёд выходил кто-либо из воевод и толмач. Разговор был прост и краток.

— Выпускайте наших славянских рабов и платите откуп за то, что живы останетесь. Ежели признаем сей откуп достаточным, то не тронем вашего града, если не согласны, будет битва, и тогда каждый из вас получит либо смерть, либо участь рабскую.

Семендер, который был под Хазарией, не тронули, прошли мимо. А вот уже Дербенту досталось от русов, потому как не пожелали выполнять требования «склавинов» воины могущественного Шервана, находясь под защитой высоких каменных стен толщиной в пять локтей и высотой более

двадцати локтей. Огромные неприступные стены полностью закрывали сухопутный проход всего в три версты между морем и горным хребтом, причём закрывали с двух сторон, так что град был защищён очень хорошо и мог выдержать долгую осаду. Но дружина Игоря и не думала приступом брать высоченные каменные стены, что тянулись от моря аж на горный хребет и там замыкались неприступной цитаделью. Корабли русов ворвались в порт.

Шерваншаху Али ибн Хайсаму пришлось дать бой на море, хотя он не имел хорошего флота. Хайсам направил против великолепных морских воинов — нурман, варягов, словен и русов — своё войско на барках и торговых судах.

Воины Игоря не стали ждать противника, а сами ринулись в битву. Один вид грозных боевых лодий, надёжно прикрывших свои борта круглыми щитами, ощетинившихся копьями, баграми,двигающихся в плотном боевом строю, уже сам по себе сеял страх и растерянность у противника, который шёл навстречу на разномастных, в основном, торговых судах и лодках.

Умело маневрируя, рассекая силы шерваншаха, лишая их возможности действовать согласованно и, в конечном итоге, по-настоящему сопротивляться, северные воины начали жестокую битву. Подобно грозным волкам, с ходу влетающим в овечью отару, врезались большие морские суда русов в неровный рыхлый строй разномастного флота апшеронцев, разя воинов и поджигая горящими стрелами сухие борта, мачты и настилы. Засвистели в воздухе абордажные крюки, впиваясь в брусья и доски обшивки, вскинулись ввысь и упали на борта шерванских судов мостки и брусья. Обнажив клинки, под прикрытием стрел и сулиц, ринулись, русы на противника, так неразумно решившегося оказать сопротивление и потому уже обречённого на гибель. Русы просто разметали скоропалительно созданный флот Али ибн Хайсама, сотни и тысячи его воинов упокоились на дне Хвалисского моря.

На головной лодье высился новгородский воевода Руяр. Огромный рост и тяжёлое копье, которым он владел, как будто оно было из пустотелого камышового прута, дополняли его схожесть с Духом Вотана. Рядом шла лодья нурманских

воинов во главе с сотником Рудкаром. На плечах его была наброшена медвежья шкура. Ни сам новгородский воевода, ни его воины, казалось, вообще не имели понятия о страхе, они вступали в схватку, не разбирая, вдвое, втрое или вдесятеро больше врагов перед ними.

Сеча была жестокой, но недолгой, уже к вечеру сопротивление шерванцев было сломлено.

— Где же этот самый, как ты его назвал, Али, сын Хайсама? — Спросил князь Игорь у Фарлафа, руководившего Варяжской дружиной, когда их лодьи после морской битвы сошлись борт о борт. Рядом стали лодьи начальников Воли и Руяра.

— Пока не ведаю, скорее всего, ушёл с теми, кому удалось вырваться из наших железных когтей, — ответил Фарлаф, довольно оглядывая остатки горящих и покалеченных судов шерванцев.

— Несколько быстроходных лодий ушли к берегу, едва мы начали рассекать и теснить их корабли, — прогудел новгородский воевода.

— Что ж, пусть сам себя сей Хайсамович и винит, не стал бы против, так и сражения не было бы, — заметил, сверкнув азартно горящими глазами, князь.

Как стальные морские волны хлынули на берега Дербента блистающие доспехами воины Игоря, карая тех, кто пытался сопротивляться и захватывая добычу и пленников в пригланувшихся богатых домах, торговых лавках, на базарах, в храмах, мечетях и синагогах.

Весть об ужасных беспощадных русах, подобно пожару, разом охватила град. Всяк житель спешил укрыться или спешно покинуть дом, но далеко не всем сие удавалось. Несколько дней претерпевал Дербент нашествие северных воинов. Наконец, собрав добычу и пленных, с осевшими от тяжести чревами судов, они двинулись дальше вдоль берега, сея страх и разорения в некогда тихих зажиточных и благополучных градах побережья.

Гарнизоны этих градов и островов, привыкшие не столько сражаться, сколько играть на посту в кости, не смогли оказать серьёзного сопротивления норманнам, варягам и русам,

а кто всё-таки осмеливался, того ждала участь быть немедля разбитым, а значит — либо умереть в бою, либо пополнить отряды пленников.

В иных местах, где русов-рабов было много, они расправлялись со своими хозяевами, вооружались и присоединялись к воинам Игоря.

Князь, стоя на лодье, оглядывал море. Яркое полуденное солнце щедро изливало свет, зелёная морская волна билась о каменистый берег, поросший невысокими кустами, по склонам теснились дома из жёлтого и белого ракушечника с плоскими крышами.

— Хорошее место здесь, много товаров и податей с них можно получать, владея хотя бы частью Хвалисского моря и сухопутными караванными тропами. Сии края ревность у хазарских владык давно вызывают, потому как на пути из Азии в Европу лежат, оттого и первая дань, и лучшие товары тут, — молвил задумчиво Игорь. — Давайте расположимся пока на островах, соберём в одном месте всё добро и полонённых, чтоб распределить потом по лодьям.

— На Абаскуне лучше всего, сухопутным ворожьим дружинам, коли такие объявятся, непросто будет туда добратся, — поддержал Руяр. — Здесь самая крупная гавань на всём полуденно-западном побережье Хвалисского моря, а недалеко вверх по реке расположен торговый град Гурген.

Вскоре толпа понурых шерванских пленников под прищотром полусотни крепких суровых русов в блестящей броне и прочных кольчугах уныло потянулась с причаливших к Абаскуну торговых судов и лодий к загонам для скота, который обычно привозили сюда купцы для перепродажи.

— Осмотреть всё окрест, выяснить, не осталось ли где воинов шерваншаха. Особое внимание обратить на хозяев лодий, что ещё уцелели. Богатые дома и дворцы под особой опекой должны быть, к вечеру мне всё про град сей расскажете, — наказывал своим десятникам сотник Гроза. Когда десятники пошли к своим воинам, он остановил Хоря.

— Брат Хорь, поставь в десятке своём кого за старшего. Ты в Царьграде Хорезмийцем добрым был, помнится... — Ху-

дощавый десятник привычно оборотился весь в слух и внимание.

Один из пленников, худощавый, бритоголовый, едва шёл, обхватив руками чрево, видно, ему было плохо. Он всё более отставал, пока не оказался в последних рядах несчастных. Наконец он вообще споткнулся и упал на пыльную каменистую дорогу. Охоронец-рус, шедший в конце вереницы, подошёл к корчившемуся на земле и попытался поднять его за шиворот пёстрого халата, но худощавый неожиданным ударом в подколенный сгиб обрушил руса наземь, вскочил и бросился бежать через немногочисленную толпу торговцев и зевак расположенного чуть выше пристани торжища. Двое русов устремились было в погоню, но они были при полном боевом вооружении, а бритоголовый шерванец мчался налегке, только полы его халата разлетались по сторонам, как крылья странной птицы. Перепрыгнув один, потом второй ряд торговцев, беглец исчез, как будто провалился сквозь каменистую земную твердь.

Серdito погрозив кулаками в сторону, куда исчез шустрый пленник, преследовавшие его русы вернулись к унылой толпе, ругаясь и грозно потрясая оружием, чтобы ещё кто не вздумал бежать.

Глава шестая

Хорь и Юлдуз

После морского боя с шерваншахом прошёл ещё месяц.

Русы гуляли по берегам Хвалисского моря, стаскивая дорогу посуду, украшения, восточные ткани и конечно монеты — золотые и серебряные — на Абаскун и другие острова, где расположили свои станы. Железным вихрем прошли через Гилян, Дейлем, Табаристан, Апшеронский полуостров и Аран, а потом устремились на большой город Баку. Дважды за это время приходилось им схватываться в настоящей

жестокой сече то с хорезмийцами, то с войсками халифата, и всякий раз победа была за русами. Остальные города и поселения предпочли откупиться от русов, щедро заплатив им за обещание не разорять и не грабить жилищ и не брать в полон жителей. Почти все добытое в удачном набеге было собрано на островах, оставалось подготовиться к обратной дороге, чем и занимались воины Игоря.

Мрачный, осунувшийся, погружённый в свои мысли Гроза шёл по берегу, не переставая по привычке замечать всё, что происходило вокруг. Поход и в самом деле был пока удачным, хоть часть войска полегла в больших и малых сражениях. Но более всего обидно было, что обещание освободить из рабства своих братьев, очевидно, никого из воевод, да и князя особо не волновало. Первым делом была добыча, а собратьев если и освобождали из полона, то, только походя, или они сами бежали к русам, пользуясь суматохой и страхом местных хозяев. Да что говорить, если даже их земляки — русы, что обитали отдельными поселениями в купеческих градах Гургене, Рее и прочих, не очень были рады приходу собратьев. Грабёж и разорения никому не приносили пользы, а торговому люду особенно. Тем более, что часть из тех, кто жили здесь не одно поколение, приняли ислам, чтобы не платить обязательную для иноверцев пошлину-джизию. В конце концов, из освободительного похода всё превратилось в обычный грабительский набег. Это совсем не похоже на деяния Олега Вещего, к которому он, Гроза, пришёл и по велению души стал изведывателем.

Здесь, в чужой стороне, тайным воинам не раз уже удавалось отвести беду от князя. Ведь по местным порядкам, когда вопрос не решается в открытой битве, то противника стараются устранить хитростью и исподтишка. Но Гроза о том не распространялся, к тому их ещё ушедший князь приучил. Об Олеге Вещем никто из соратников по Тайной службе никогда не говорил слова «умер», только «ушёл», или «не стало». Никто из них не видел князя мёртвым. А у изведывателей исстари принято, что мёртвым считать можно только тогда, когда есть свидетели гибели, либо мёртвое тело.